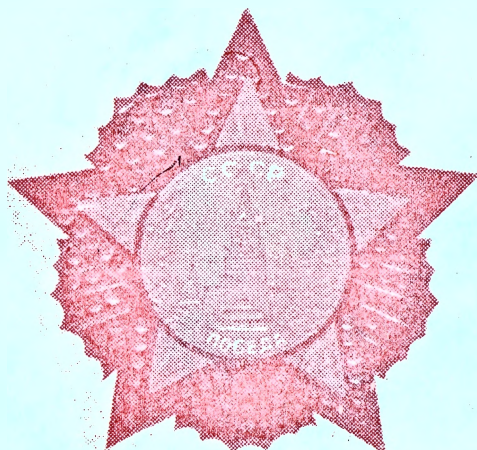

55 лет День Победы

Жизнь моя, судьба моя...

/Из воспоминаний Павла Ивановича Мартыненко,
заслуженного шахтёра, участника Великой
Отечественной войны/

Жизнь моя, судьба моя...

**/Из воспоминаний Павла Ивановича Мартыненко,
заслуженного шахтёра, участника Великой Отечествен-
ной войны/**

*Нашим детям, внукам и правнукам
на долгую память.*

Г. М. Шевцов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

По воле своих родителей появился на свет, я – Павел Иванович Мартыненко, вначале просто Павлик, в 1918 году 12 января. Всего на два с небольшим месяца позже свершившейся Октябрьской революции. В большой крестьянской семье моего деда я стал девятнадцатым.

Жили в большом трёхкомнатном доме деда три взрослых сына со своими семьями. Ясно, что было тесно. Ведь только детей насчитывалось десять душ. Чего греха таить, всякое случалось: ссорились наши батьки и матери из-за нас, даже до драк дело доходило. Особенно часто это случалось зимой, когда все находились дома. Летом было легче. У нас во дворе стояла землянка, сложенная из дёрна (резанного пласта верхнего слоя нетронутой земли), которую построили ещё по приезду в 1911 году в Казахстан. Тогда тысячи крестьян со всей России ехали сюда на «вольные земли» по столыпинскому указу. Так что я коренной казахстанец, родившийся в селе Павловка Павлодарской области.

Эта землянка, в тёплое время, служила кухней и ночлегом для мужиков. Жили мы, можно сказать, средне. Хозяйство было общим, состояло оно из 6 лошадей, 4 коров, трёх десятков овец, более сотни всякой птицы и бесчисленного количества голубей. А вот сколько было у моего деда земли, не знаю. Но когда от него отделились два старших сына, моему отцу досталось около десяти гектаров земли. В придачу он получил одну лошадь, корову, около десятка овец и ... старую бричку. Зимой 1926 года выменял батька на эту лошадку двух справных быков. Это было началом его самостоятельной жизни. Отец мой был грамотный, окончил один класс церковно-приходской школы, а дед даже расписываться не мог. Но деньги считать умели. Ведь они приходили только после семи потов, пролитых на пашне по уходу за скотом. В этом же году я пошёл в школу. Мне тогда не было ещё полных восьми лет. Помещение школы располагалось в доме из двух комнат. Здесь было четыре класса. В каждом классе сидели вместе ученики двух классов. Занятия вела

одна учительница – Ульяна Петровна, фамилию её запомнил... Она задавала задание по порядку классов, успевая проследить за его выполнением.

Учились ребята разных возрастов. Со мной, восьмилетним первоклассником, занимались десяти-и двенадцатилетние. От нас, детей среднего достатка, разительно отличались дети, чьи родители держали работников, жили в достатке. Они ходили в дублёных барчатках и пыжиковых шапках. У них были настоящие портфели. Я же носил книги и ученические принадлежности в простой холщовой сумке, сшитой матерью. Учился со мной сын председателя сельского потребительского общества, другой был сыном торговца водкой от «Центросоюза». У них было всё. Дразня нас, они демонстративно при всех ели конфеты под названием «Раковая шейка». Я их вкус узнал лишь под Рождество, на Новый год, когда мои родители смогли их купить на пай и то только полкилограмма. Был у меня дружок, ровня мне, Колька Новин. Но он был «и вашим, и нашим». Мог за обёртку от дорогих конфет любую пакость сделать, выполняя требования богатенького Феденьки... Не раз и не два возвращался я из школы с разбитым носом, подбитым глазом. Конфликты часто возникали из-за прозвищ. Выйдя из школы, я слышал в свой адрес: «Мартышка идёт. Мартышка...». Начинал всегда Федька, тут же включались его дружки. Я тоже не оставался в долгу – Федьку обзывал «вонючим барсуком» (его фамилия была Фярюк), а Ваську – «черепашкой», «гнилой черепахой» (его фамилия была – Черепаша). Такие дразнилки почти всегда заканчивались потасовкой. Федька, Васька и переметнувшийся к ним Колька подкарауливали меня где-нибудь за огородами. Дрались отчаянно, но перевес был на их стороне. Возвращался домой с разбитым носом, нередко с синяком под глазом, но родителям говорил, что катался с горки, упал... Мои обидчики тоже часто ходили с фиолетовыми глазами. Но однажды отец строго спросил: «Кто тебя всё время колотит? Говори или я тебя выпорю». Я рассказал ему всё. Отец, выслушав меня внимательно, сказал: «Ну и дурак. Нашёл, что скрывать... Давай

сдачи, иначе тебя заклюют. У тебя же деревянный ящик с книжками. Врежь одному, другому, а третий сам убежит...». И надо же такому случиться: на второй день после памятного разговора с отцом, мои обидчики вновь стали придирааться. Впереди всех был Колька. Вот ему и достался мой первый удар деревянным пеналом. Он сразу убежал, а Федька и Васька сразу притихли. Не успел я ещё раздеться, зайдя в дом, как послышался какой-то шум во дворе. Дверь резко распахнулась, и с кочергой в руках влетела мать Николая с криками: «Где ваш бандит? Он Кольке весь нос расквасил в лепёшку!» Я стоял ни живой, ни мёртвый. Отец шил сапоги, а мать возилась у печи. Ну, думаю, сейчас будет... Но отец молча встал, подошёл к соседке и спокойно так произнёс: «Мы к вам не бегали, когда наш Пашка окровавленный приходил, не жаловались. Так что вот Бог (показал на икону в углу), а вот порог...» А потом, когда соседка ушла, улыбнувшись, сказал: «Давно бы так. Теперь не будут приставать». Надо сказать, что с тех пор мои обидчики обходили меня стороной.

Началась весна 1926 года. Пригрело солнышко, оттаяла земля. Подошло время пахоты. Отец на быках выехал пораньше в поле, я же с утра был в школе. Придя на обед, быстро кушал и, взяв приготовленный узелок с тёплым хлебом и кувшин с горячим борщом, бежал в поле. Доведа борозду до края, отец выпрягал быков и садился кушать. Пока он отдыхал, я успевал напоить животных, а потом гнал быков к густой траве. Через час-другой отец опять их запрягал и продолжал пахать. Забрав пустой кувшин, я отправлялся домой. Отец возвращался гораздо позднее, уставший, пропылённый. Но постепенно и мои обязанности возрастали. В летнее время я уже во всю помогал отцу косить сено. Когда созревал урожай зерновых, начиналась уборочная пора, помогал свозить снопы. Потом мы молотили их во дворе на специально накатанном каменном катком току. Начинали где-то в четыре часа утра, а заканчивали в десять-одиннадцать вечера. Спать приходилось совсем мало. Особенно, когда надо было переветать ворох зерна, отбив половику, а зерно

ссыпать в амбар. Тогда вообще на отдых отводилось два-три часа. «Доспать» удавалось на пути в поле, когда ехали за сложенными в копны снопами. Свернувшись калачиком в арбе я моментально засыпал, а отец набрасывал на меня свой пиджак. Но просыпался сразу же, как только слышал отцовский голос: «Пора, сынок, вставай. Приехали». Начиналась погрузка снопов. В мою обязанность входило сгребание всех колосков метровыми граблями. Ни одного колоска не должно было остаться в поле... Потом мои руки привыкли и к вилам. К концу лета ладони становились такими грубыми, словно подошва у сапога. А ступни ног, не знавшие никакой обуви, не боялись никакой стерни... К труду нас приучали с раннего детства. Трудились все. Это и дало возможность уже к весне 1927 года обзавестись парой лошадей, купить новую лобогрейку. Жизнь наша налаживалась. Теперь и у меня появилась обновка, я был одет не хуже моих богатых обидчиков. К тому времени у них и спеси поубавилось.

Так в хлопотах и трудах праведных прошёл 1928 год. В тяжелейшем крестьянском труде. И в 1929 году я уже был настоящим помощником отца по хозяйству. Теперь у нас уже было три лошади. Отсеялись мы рано. Я управлял упряжкой, сидя на вымощенном сиденье прямо на двухлещном плуге, а отец, с сумкой через плечо, в которой было зерно, сеял... Незаметно подошло время сенокоса. Теперь я уже самостоятельно сижу на переднем сиденье новой нашей лобогрейки и правлю лошадьми. В густой траве то и дело слышался писк перепёлок. Жалея птичек, я то и дело поднимал косу, видя впереди убегающих цыплят перепелов. Лошади, привычные к тяжёлой работе, мерно шли вдоль просяного поля. Увлечённый своим делом, ничего не замечая вокруг, я вдруг ощутил рывок. Лечу со своего сиденья, успеваю заметить лопасть мотовила... Очнулся на валке сена. Открыв глаза, увидел склонившегося надо мною отца. Потом услышал его голос: «Жив, сынок?» (В памяти осталось сфокусированное маленькое лицо отца, такое лицо я видел ещё раз, но гораздо позже, после операции, когда врач спросил меня: «Вы меня видите?»). Заметив, что отец

плачет, я стал подниматься. В голове зазвенело, боль в висках и во всём теле. Кое-как сев, я узнал, что случилось. Оказывается, лошади испугались выскочившего из травы зайца. Рванули в сторону. Я выпустил рычаг режущего аппарата, и он врезался в землю. Лошади остановились. Это и спасло мою жизнь. — Значит, есть Бог на земле, — смахивая скую мужскую слезу, закончил рассказ отец.

Два дня всё же пришлось мне поваляться в постели. Удары лопастей не прошли даром: болели бока, тупо ныли кости ног. Отец сам косил сено. Для меня он оборудовал на сиденье корзину с защёлкой. И вот я с синяками, отсвечивавшими желтизной, вновь правлю лошадьми. Стрекочет коса лобогрейки, а когда остановив на минуту передышки, в воздухе слышен только стрекот кузнечиков да пенье птиц. Я по-прежнему старался спасти неразумных птенцов перепелят, чувствуя себя в полной безопасности. А отец, увидев, как я в очередной раз гоняюсь за ними, ничего не говорил, только понимающе улыбался.

Блаженен миг отдыха. Раскинешься на только что скошенной траве, вдыхаешь полной грудью, напоенный всеми ароматами трав, чистый воздух, и... тут же засыпаешь. Но только чуть-чуть притронется к тебе рука отца, и снова готов бежать за лошадьми... Это было моим последним летом безоблачного детства.

В нашем селе появилась новая четырёхклассная школа, где каждый класс занимался отдельно. Я уже учился в четвёртом классе. В школе стала создаваться пионерская дружина. Мои родители вначале не разрешали мне вступать в пионеры. Тогда учитель (он был из нашего села и сверстник отца) сумел уговорить их. Так я стал пионером. Те наши сборы, бесчисленные походы, до сих пор вспоминаются мне, как самое светлое в моей жизни. Но для нашей семьи конец 1929 года принёс немало горя. Началась коллективизация. И хотя в решениях партии предусматривалось добровольное вступление в колхоз, на деле получалось иначе. Местные власти, стремясь выслужиться, гнали всех насильно. Ну а те, кто не хотел, попадали под жернов репрессий. Не мино-

вал сей участи и мой отец. У нас забрали трёх лошадей, корову с тёлкой, весь сельхозинвентарь. Это было трагедией. И только после статьи Сталина «Головокружение от успехов», к весне 1930 года нам вернули лошадь, тёлку и разбитую бричку. С таким хозяйством мы вновь стали сеять.

Отец остался в единоличниках. Жизнь заставила таких бедолаг объединиться и сеять совместно. Также убирали урожай – 2 или 3 хозяина от зари и до поздней ночи, не разгибаясь, спешили сжать хлеб. Долгих три года (до 1933) кое-как сводили концы с концами, но просвета не наступало. Правда, колхозы вроде бы начали подниматься, а вот единоличникам совсем стало невмоготу.

Наступила весна 1933 года. Солнце палило нещадно, и ни одного дождя. Наши посевы пожелтели. Стало ясно, что нас ждёт страшный голод. А тут прошёл слух, что на Алтае зреет хороший урожай.

И вот отец с двумя соседями, с которыми в спрядке сеяли и убирали хлеб, запрягли в арбу своих лошадей, сгрузили нехитрый скарб, посадили домочадцев и тронулись в путь. На третий день нашего путешествия мы очутились в зелёных берёзовых рощах, между которых зрели, наливаясь тугим колосом зерновые. В околках было полно ягод, которых мы, живя в степи, отродясь не видели. А ещё через пару дней добрался наш обоз до территории коммуны – «Красный партизан». Вокруг, куда ни бросишь взгляд, везде колосится золотая пшеничка. Для крестьянского глаза это наиотраднейшая картина. Усадьба коммуны насчитывала где-то домов шестьдесят. Все из красного кирпича, черепичные крыши. В центре – здание правления, а напротив – столовая. Рядом строился клуб. На окраине села – скотный двор, неподалёку аккуратно уложенные скирды сена. Во всём чувствовалась рука хозяина.

Отцы наши пошли в контору, а мы, отощавшие, немые пацаны, с тоской поглядывали на дверь столовой, откуда то и дело выходили сытые коммунары. До нас долетали аппетитные запахи, и мы тайком друг от друга сглатывали слюнки. Но вот дверь конторы распахнулась. Оттуда вышли все

наши в сопровождении мужчины лет сорока пяти с усами. Они оживлённо о чём-то разговаривали, и мы поняли, что всё складывается удачно. Родители нашли то, что искали. Не дожидаясь команды, мы повыпрыгивали из телег на траву, ощутив, как какие-то колючки сразу впились в наши босые ноги. Но на такие мелочи не стали обращать внимание. Усатый дядька, как потом узнали, звали его Акимом Петровичем, подошёл к нам, весело потрепал нас по русым головам произнеся: «Ну, здорово работнички». Мы в разной поздоровались, а он продолжал отдавать, словно военный, команды: «Выпрягайте лошадей, пусть покормятся. А вы все- марш в столовую». Нам дважды повторять не надо было. В столовой нас встретила молодая женщина, которая радушно пригласила всех за длинный стол. Наша бригада вместились вся. Вскоре мы все дружно заработали ложками, уплетая вкусный, наваристый русский борщ. Ели с жадностью: наголодались за время путешествия. За соседним столом сидели молодые парни, они засмеялись, видя с какой жадностью мы едим. Смутившись, мы стали черпать с чашек помедленнее. Увидя это, повариха ласково сказала: «Кушайте, кушайте, не обращайтесь на них внимания, они с жиру бесятся». И повернувшись к своим, повелительно произнесла: «А ну, марш отсюда, бессовестные. Люди с дороги оголодали, а вы...». На второе она подала нам кашу с бараньей поджаркой, а запили всё это ягодным киселём. Откушав, мы стали благодарить за сытный обед. Женщина, улыбнувшись, сказала в ответ: «Это вы Акима Петровича благодарите, нашего председателя. Он добрый человек, красный партизан, большевик». Так мы стали временными членами коммуны.

К вечеру мы уже были в расположении бригады, которая находилась в трёх-четырёх километрах от села. Там было большое здание, в котором находилась столовая и красный уголок. Была ещё комнатуха, где жили поварихи. Коммунары приезжали сюда ранним утром, а вечером уезжали к себе домой. Председатель предложил нам тоже уезжать в село, в отведённое для приезжих здание. Но наши батеньки ре-

шили жить здесь, чтобы не гонять лошадей. Соорудили большой шалаш и там жили. Нам отвели делянку пшеничного поля, дали косилку-самоскидку, которая для нас была в диковинку, и мы приступили к уборке. Урожай был отменный. Отец бывало, разомнёт колосок в руке, посчитает зёрна и уверенно говорит: «По 120-130 пудов с гектара будет!». Косить начинали с четырёх часов утра, заканчивая не раньше девяти вечера. Перерыв был в самое жаркое время, но не более двух часов. Перед ужином был ещё и полдник. В это время поили лошадей, кормили их прямо с валка пшеничного хлеба. Отощавшие, они быстро набирали тело, и уже буквально через несколько дней их было не узнать. И это несмотря на то, что целыми днями они были в работе.

Около десяти дней ушло у нас на кошение и копнение. Потом стали свозить снопы в скирду на ток, где была установлена молотилка. На эту операцию ушло не менее двадцати дней. Вот здесь отцам досталось больше всех. Нам, пацанам, доверялось лишь быть наверху арбы, притаптывать снопы, да колосья, упавшие на землю, подгрести. А они с четырёх утра грузили хлеб и возили тремя лошадьми на ток. Бывало, коммунарские только ещё за лошадьми шли, а мы уже первый воз привозили. Да какой воз! По тонне пшеницы намолачивали с него. На первых порах мы заметили за собой контроль. Только уедем с поля, а тут едет верхом бригадир. А потом вечером соберёт он своих коммунаров и пошёл матом крыть (матерщина была в порядке вещей), а нас в пример ставить. На нашей делянке не осталось ни колосочка! Всё чисто подобрано. За это и стали уважать наших отцов.

По окончанию работ выделили нам, согласно договору, тонну пшеницы в мешках. В честь ли наших проводов или ещё какой был праздник, но уже в новом, только что отстроенном клубе, было собрание. наших отцов усадили в президиум. Выступали председатель Аким Петрович и бригадир Филимон Пантелеймонович Горбунов (фамилия его мне запомнилась на всю жизнь). Хвалили нас за добросовестный труд, а потом объявили сколько мы заработали. Оказалось,

что нам ещё надо будет один раз приезжать, чтобы увести ещё одну тонну пшеницы. Перепало и немного деньгами. Кроме того, дали нашим отцам по отрезу на костюмы, а потом выделили и нам материя на рубахи и брюки. Радости нашей не было границ! Растрогавшись, отец только и смог вымолвить слово: « Спасибо », а потом добавил: « А можно по весне мы к вам в коммуну приедем? » На что Аким Петрович радушно ответил: « Можно и нужно, нам такие труженики, ой как нужны! » Под гром аплодисментов выходили мы из клуба, а рано утром уехали к себе домой.

Дома увидели совсем иную картину, чем прежде. Прошедшие дожди немного оживили степь, но главное-уродила картошка. Мы съездили вновь в коммуну « Красный партизан », забрали всю причитающуюся нам пшеницу, твёрдо решив по весне переехать туда. Но тут случилось непредвиденное. В то время единоличные хозяйства облагались налогами, зачастую непосильными. По давности лет я не помню, какой был налог на молоко, яйца, но вот налог на мясо запомнился. Нормальный налог составлял – 48 кг. Уплатить его надо было до 1 апреля. Не уложился в отведённый срок, платишь вдвойне – 96 кг. Не внесёшь этого – отдадут под суд.

В декабре 1933 года отца вызвали в сельский Совет. Работал в то время председателем местный мужик Яков Мережко.

- Давай, - говорит он моему отцу, - твоего сына в секретари. Он у тебя парень смекалистый, подучится и будет работать.

Отец поблагодарил и согласился. И вскоре я уже корпел над различными записями в книгах. Через два месяца я уже хорошо разбирался во всех налоговых делах. Казалось, всё идёт хорошо. Отец сдал в счёт мясopоставок 26 кг. курей. В марте собирался оплатить остаток деньгами. Но тут председатель вызывает его к себе и требует 2 мешка муки за моё обучение.

- Как так, - возмутился отец, - я же не просил вас учить его, вы сами это предложили. Да и нет у меня двух мешков

муки. Вон шесть ртов и все есть хотят.

- Ну смотри, Иван, - с явной угрозой проговорил председатель, - как бы не пожалел ты.

Эти слова я сам слышал, но тогда не придавал им значения. Проходит тихо февраль, уже март начался. Пятого марта утром иду в сельский совет. Буря разыгралась не на шутку. Подхожу к зданию: у забора стоит запряжённый в сани колхозный жеребец, на котором ездил сам председатель. Захожу в контору, сажусь за свой стол, а меня тихонько так зовёт секретарь и говорит: «Беги домой, скажи отцу, что вас сейчас описывать будут. Под суд отдадут». Меня словно жаром обдало. Выскочил я на улицу, а там такая метель, что свету белого не видно. И я малость заплутал – вышел аж на колхозный сеновал. Оттуда уже сориентировался на свой домишко. Но когда прибежал, там уже находились председатель и милиционер. Всё, что у нас было – мука, зерно, картофель, лошадь, - всё уже было записано в опись. Забрали с собою и отца. Правда, описанные запасы муки в тот день не смогли вывести – снегом замело буквально всё. Когда все уехали, я как мог успокоил мать, плачущих детей. Рыдая, мать обхватила меня, приговаривая: «Слава Богу, ты пришёл домой. Не замёрз. Ведь ты у нас теперь остался старшим, отца-то забрали». Я молча опустил на лавку, к горлу подкатил ком, чтобы не разреветься я молчал. А в голове билась одна мысль: «Теперь я в доме старший мужчина». Надо действовать. Взглянув на мать, я произнёс: «Надо спрятать муку».

- Ты, что, - испугалась мать, - тогда и тебя посадят, нет.

Выйдя на улицу, я стал насыпать из стоящих мешков по два ведра в порожние муку и зерно, а потом закапывал в снег, вдоль стены сарая. Спрятав таким образом четыре мешка, я облегчённо вздохнул. А буря и не думал утихать. Только через три дня метель стихла. Тут же приехали за описанным имуществом и всё забрали. На наше счастье никто вроде бы не заметил, что не хватает четырёх мешков – два с мукой и столько же с зерном. От односельчан мы уже знали, что моего отца и соседа – Ивана Александровича Но-

вика осудили по 62 статье за неуплату мясопоставок...

Наступила страшная весна для нас. От отца вестей не было. Мать написала заявление, чтобы приняли в колхоз, но, видимо, по предложению подлого председателя, нас не приняли. Он мстил за то, что отец отказался давать ему взятку за мою учёбу. В селе все говорили, что нашего отца осудили неправильно, но на этом всё и заканчивалось. Для нас же наступили и впрямь чёрные дни. Мать совсем высохла, отдавая каждую крошку еды детям. У неё начали уже пухнуть ноги... Заметив это я начал требовать, чтобы она ела вместе с нами. А едой были лепёшки с просяной шелухой, замешанных на картофельном отваре. В муку подмешивали муку из зёрен травы «пастушья сумка».

Но вот пошли проталины. Солнышко пригревало всё сильнее. Мы с братом Василием ходили в поле, где ловили сусликов. Шкурки с них сдавали в сельпо, а мясо ели. Это давало нам силы. Однажды сидим у костра, смотрим, едет продавец нашего магазина дядя Гриша Пацак. Он был чуть старше отца. Попридержал он лошадь и спрашивает: «Вы что, сусликов едите?» «Ага», - отвечаю. «А хлеб есть?» - интересуется дядя Гриша. «Нету», - отвечаю. «Ну тогда вот что - приходи ко мне завтра утром. Кое-что тебе надо сказать», - проговорил дядя Гриша и уехал.

Как было велено, я явился в указанный срок в магазин. Там уже находились мужики, вели разговор с дядей Гришей.

- А, пришёл, сынок, - увидев меня проговорил он, - подожди малость, я сейчас освобожусь и займусь с тобой.

- Что, неужели и он что-то натворил? - загалдели мужики.

- Всё может быть, - усмехнулся дядя Гриша, - чем он хуже других...Ну вы, мужики, будьте здоровы, прощевайте.

Выпроводив их, он поманил меня пальцем к себе за прилавок.

- Вот что, сынок, - произнёс он, вынимая откуда-то два свёртка, - вот здесь двадцать плиток кирпичного чая. Стоят они 320 рублей. Ты пойдёшь в Славгород и там продашь

каждую по 35 рублей. Со мной расплатишься и себе на еду заработаешь. Понял?

Я молча кивнул, хотя сообразил не сразу. Видимо, дядя Гриша заметил это и дружески подтолкнув меня, проговорил: «Ладно, иди домой и с матерью обсуди». Когда же дома я всё это выложил матери, та сразу в слёзы? «Не пуцу в такую дорогу. Да и в городе только и слышишь того убили, другого ограбили...» Но всё разрешилось разом – оказалось, что соседка тетя Анна Грабович идёт туда к мужу, который получил там квартиру. Пошёл с нею и я, запряжённый в небольшую тележку, на которой лежали мои пожитки и соседки. Дорога была длинной – до Славгорода 60 километров. Шли медленно. Тётка Анна то и дело доставала из своей сумки солёный огурец, заедая тошноту: она была беременной. Когда и это не помогало, она пила отвар чая. Спустя шестнадцать лет, будучи в Славгороде, я зашёл к тётке Анне. Встретила меня красивая, вся в мать, девушка. Тётка Анна, знакомя нас, сказала: «Помнишь, Павлик, нашу дорогу в Славгород – так вот это та дочка, которую я несла тогда в себе. Она-то и заставляла меня есть солёные огурцы». Мы все весело рассмеялись.

Добрались мы до Славгорода поздним вечером. Переночевал я у них, а утром на базар. Помня наказ дяди Гриши продавал чай только по 35 рублей. И, несмотря на неимение в этом деле опыта, считаю, что справился я с этой задачей неплохо. Подсчитав свой барыш, на вырученные деньги купил пуд муки, полпуда пшена и килограммов двадцать шелухи из проса. Её мы перемалывали на ручной мельнице и добавляли в муку, из которой потом пекли хлеб. Навсегда остался в памяти его привкус: ешь краюху такого хлеба, аж в ушах шелестит! На дорогу себе я купил ещё, по совету матери, две сайки и сто граммов сливочного масла.

Вышел из города, прошёл восемнадцать километров, решил пообедать. Невдалеке виднелось село, а на окраине стоял колодезный журавль. Возле него я и расположился. Чуть в сторонке паслось стадо. После скромного, но вкусного обеда, захотелось немного отдохнуть. Только, казалось, за-

крыл глаза и сразу уснул. Проснулся от какого-то скрипа и мычания. Протираю глаза и вижу перед собою какое-то страшилище: огромная голова с торчащими крутыми рогами, на которых висела какая-то палка и выпуклые, налитые кровью глаза. Это чудище издавало громкие звуки, рыло копытами землю...

Я резко подался назад, но в тот же миг, вроде мне кто-то что-то бросил под ноги, покатился кубарем. Перевернувшись несколько раз, замер на земле, вновь услышал те же звуки разъярённого быка. Но в тот же миг раздался резкий треск, и бычья голова отвернула в сторону. Мимо меня брели коровы, разглядывая своими коровьими глазами меня, словно желая сказать: «Ну, чего ты тут расселся?» Отряхнул я с себя пыль и комки земли, встал и увидел, что тележка моя перевёрнута, одна оглобля сломана. Вот через неё-то я и упал. Слава Богу, мешки остались целы, и мой драгоценный груз в сохранности. Собрал я это всё, уложил на тележку, впрягся в связанную верёвкой оглоблю, и только пыль схватывалась из под моих босых ног... До нашей деревни оставалось сорок два километра. По пути была ещё одна деревенька, до которой было без малого тридцать вёрст. Дорога к Новопокровке, так называлась она, лежала среди ковыльной степи.

...После короткого отдыха шагалось легко и быстро. Только колёса моей неказистой тележки позвякивали на рытвинах и неровностях. Солнце неумолимо клонилось к закату. Вдоль дороги попадались заросшие огромной пылью заброшенные пашни. Сразу в мыслях появились рассказы, что здесь скрываются волки. Ноги сами собой ускорили шаг, сумерки, казалось, летят с бешеной скоростью. Вспомнились рассказы, что даже днём здесь встречали волков, которые сопровождали путников долгие километры. В страхе стал шарить по карманам в надежде найти там спички – вспомнилось, что звери боятся огня. Но спичек не оказалось. Тогда стал лихорадочно перебирать мысленно, чем ещё можно отпугнуть волков? Вспомнил об отцовском солдатском котелке, который он принёс с гражданской войны.

Он был со мною. Я быстренько прицепил его к колесу. Пусть гремит! Отпугнёт зверя. Вот под эти звуки и шагал я уже в абсолютной темноте. Когда до Новопокровки оставалось километра два, справа от дороги мелькнуло два голубых огонька. Через мгновение они исчезли, потом появились вновь. Нервы мои не выдержали, я закричал и бросился бежать насколько позволяла моя телега. К счастью, до деревни было совсем недалеко. Там на мой крик залаяли собаки. Это подняло мой дух, я перешёл на шаг, а потом остановился. Оглянувшись назад, временами, видел мелькавшие огоньки. Но теперь страха я не испытывал – рядом были верные друзья человека – собаки. А село спало. Решил прикорнуть и я. Устроился у чьего-то забора, отгородившись от степи тележкой. В такой вот дремоте, часто просыпаясь, дождался рассвета. Сразу же впрягся вновь в оглобли и вперёд! Когда появился дома, мать не могла нарадоваться, что вернулся живым и здоровым, да ещё и с таким бесценным грузом! Сразу же наступили весенние заботы – садили картофель, сеяли свой гектар пшеницы. Какой это был адский труд! Ведь приходилось землю перекапывать вилами, чтобы хоть как-нибудь упрятать зерно в землю. А об отце никаких известий.

Как-то майским тёплым утром принялись мы всей семьёй месить глину для обмазки крыши нашей землянки. Выкопали яму, натаскали воды и давай босыми ногами плясать в ней. Мать подавала команды, чтобы месили лучше, прикрикивала на нас за баловство. Вдруг перед нами появился человек.

- Иван, - вскрикнула мать.

Мы все бросились к отцу, не сдержав слёзы радости. А отец, сбросив котомку с плеч, присел на завалинку и коротко поведал, что с ним произошло. Оказывается, в ту злопамятную ночь, когда после суда их увезли в село Вознесенку, а оттуда уже в райцентр, дежуривший в сельсовете, отказался принимать их без документов. Тот, кто привёз, развернулся и уехал. Дежурный сказал стоявшим в коридоре отцу и нашему соседу: «Идите, куда хотите». Выйдя на улицу, они потоптались минуту-другую, а потом решили идти

домой. Будь, что будет... А в пути застала метель. Что такое пурга в степи, кто попадал в неё, знает – ни зги не видать. Заплутались осуждённые, да слава Богу, на чужую хоть деревеньку набрели. Там переночевали у знакомых... А на утро, после долгих разговоров, решили где-нибудь переждать. Устроились на железнодорожную станцию. А по весне не выдержали, вернулись домой. Так что наша радость скоро сменилась тревожным ожиданием.

По утрам отец решил сам явиться с повинной. Вскоре пришло от него письмо, что он находится в Павлодарской тюрьме, и что дело его пересматривается. Мать тут же снарядила меня с гостинцами. Дважды ходил я к отцу. Относя нехитрую домашнюю снедь. А в конце июля наш отец вернулся, как незаконно осуждённый. В тот же год несколько председателей, в том числе и наш Мережко, были осуждены за взятки и другие нарушения закона. Как говорится, воздал Бог за грехи...

С приходом 1934 года страдания наши закончились. Отец подал заявление о вступлении в колхоз, и нас приняли. Я тоже работал: зимой ухаживал за бычками, а летом косил травы, убирал урожай. В 1936 году у нас организовали машинно-тракторную станцию. Меня назначили учёточником в тракторную бригаду. Зимой перевели учеником слесаря. В 1938 году я уже был участником областного слета стахановцев. Где меня выдвинули делегатом на республиканский слет. Но тут произошли крупные события, когда были арестованы секретарь обкома и некоторые другие высокие чины, и слет перенесли на осень. А в сентябре меня призвали в армию – Красную армию. Начиналась новая полоса в моей жизни и, конечно, не предполагал, что на мою долю выпадут такие тяжкие испытания.

СЛУЖБА В АРМИИ

Так уж получилось, что служить мне пришлось на Украине. Вместе со мною в 265 артполк попали все 27 земляков,

призванных из нашего района. Зачислили нас в полковую школу. Спустя 3-4 дня ко мне подошел командир отделения и говорит: «Тебя вызывает начальник полковой школы капитан Тарасов». Идем к нему. Стучу в дверь кабинета, услышав «Да», вхожу и докладываю о прибытии. Он с головы до ног осмотрел меня, а потом командует: «А ну выйди и зайди, как положено!». Сидевший рядом с ним старший лейтенант только улыбался.

- Есть выйти! – крутанулся я на каблуках и вышел за дверь.

- В чем дело? - подскочил ко мне командир отделения.

Я ему все объяснил. Он показал мне, как надо входить, как докладывать. Ведь я еще не успел овладеть этими солдатскими приемами строевой подготовки.

На этот раз я все сделал как надо. Капитан улыбнулся и сказал: «С тобой вот хочет поговорить старший лейтенант». Тот задал мне несколько вопросов: где я работал слесарем, по какому разряду. Я ему ответил.

- А сумеешь спусковой крючок к винтовке сделать? – спрашивает.

- Сделаю, - отвечаю.

- Ну, что же, хорошо. Будешь учиться в полковой школе, только в группе артиллерийских мастеров.

После 9 месяцев ускоренного обучения я был выпущен орудийным мастером в должности командира отделения.

А на западе назревала война. События в Польше, правда, разрешились разделом. Произошел раздел и в нашем полку. Часть его была перебазирована к границе Польши. Вместе с ними ушел и мой непосредственный начальник – старший лейтенант Столяров. Он забрал с собой артмастера Кудиенко. Нами стал командовать лейтенант интендантской службы Александр Иванович Осадчий, бывший старшина – сверхсрочник. Меня назначили старшим мастером артиллерийских. Теперь у меня в подчинении были те, кто не прочь был показать свое превосходство, называя меня «колхозником». Это были, в основном, москвичи. Как не странно, но я их намного превосходил в знании боевой техники, матери-

альной части. В этой связи вспоминается такой эпизод. В бытность еще курсантом, проводил я занятия по знанию материальной части артиллерий с офицерами запаса. Занятия шли прямо в парке, где стояли на колодках наши пушки. Вдруг вижу, идет наш командир полка, капитан Богданов, с командирами дивизионов. Направляется к нам. Я, как и положено, подаю команду «Смирно», четко докладываю по какой теме идут занятия. После подачи команды «Вольно», продолжаю заниматься. Командир полка остановился у второго орудия. Я закончил объяснение об устройстве подъемного механизма, спрашиваю: «Вопросы есть?». Стоявший рядом старший лейтенант запаса, с иронией так, произносит: «Товарищ преподаватель, из какой стали изготовлено тело орудия?». Меня аж в жар бросило, ведь этого нам никто не рассказывал.

- Этого нам не нужно знать, - отвечаю ему, - главное знать материальную часть, ее механизмы, боевые свойства. А из какой стали она отлита – это дело конструкторов и металлургов.

Спрашивавший вспыхнул, хотел что-то сказать, но его перебил командир полка, видимо, услышав издевку в его вопросе:

- Вам же курсант ответил и довольно ясно. А если вы металлург и знаете состав металла, так знайте. Это вам нужно. Вам понятно?

- Понятно, - чуть слышно ответил посрамленный офицер, опустив глаза.

А спустя два дня на вечерней проверке мне объявили благодарность за отличную успеваемость в боевой и политической подготовке. С этого времени в моей армейской службе были только поощрения.

Шёл 1940 год. Мои сверстники – рядовые бойцы, готовили чемоданы к демобилизации. А мне же по новому закону предстоял ещё год службы, как младшему комсоставу. В один из таких дней вдруг получаем приказ покинуть летние лагеря и погрузиться в эшелоны. Несколько суток в вагонах под мерный стук колёс, и остановка на какой-то станции.

Разгрузились, невдалеке – река. Потом узнали, что это Днестр. Сразу же заняли огневые позиции правее железнодорожного моста. Как нам сказали в этом заключалась миссия по освобождению Бессарабии от румынских бояр. Боевых действий не велось. Был слух, что ведутся переговоры с румынским королём. Потом скоро, как-то днём, пришёл поезд с тремя вагонами – говорили, что это поехал в Москву король Румынии. Дня три мы ещё находились в полной боевой готовности. Все ждали приказа. К счастью, он поступил, но только «зачехлить орудия». Военных действий так и не было. Начали готовиться к переправе войск. Сапёры по мосту соорудили настил поверх железнодорожных рельс. Вначале пошла пехота, затем танки и тяжёлые, восьми тонные пушки. Мы вступили в город Бендеры. Городские улицы были буквально запружены народом. Приходилось то и дело останавливаться. Люди подходили, ощупывали руками броню, пушки. Уже потом мы узнали, что им внушали, что у русских танки и пушки – деревянные.

Согласно договора с королём всё недвижимое имущество должно было оставаться на месте, но в городе Измаиле румынские войска кое-что хотели вывести. Туда был срочно выброшен десант, и всё прекратилось.

Через двое суток мы со своей тихоходной техникой разместились в городе Измаиле, а дивизионы заняли огневые позиции. В трёх-четырёх километрах от города, на берегу Дуная, раскинулось село Крепость, где когда-то Суворов разгромил турок и штурмом взял эту крепость. Невдалеке, отгороженная высоким забором, находилась монашеская обитель – монастырь, где располагались корпуса для монахов и монашек.

Когда мы подъехали к монастырским воротам, там уже никого не было. Остались лишь два монаха, ухаживавших за лошадьми, на которых выезжал епископ. Потом подошёл ещё один мужчина с густой чёрной бородой. Это был плотник, как потом он сам рассказывал. Бывший белый офицер из младших чинов, а когда мы спросили о семье, он ответил, что жёнами у него были самые красивые молодые монашки.

Вся эта территория была засажена фруктовыми деревьями, но они были так редко посажены, что между ними разместились наши пушки. Находясь возле орудия, стоило поднять руку, чтобы сорвать плод. Когда переезд и благоустройство закончились, и начались занятия, я опять, как говорят, окунулся с головой в «омут» занятий: то занимаюсь с курсантами, то беру учебник по автоделу и учусь сам. Теоретически по автоделу я неплохо подготовился, а практически – где можно было готовиться? Все автомашины стояли на колодках в парке, лишь один газик подвозил продукты. Командир техзвода знал, что я подготовился сам, он даже зачёт по теории у меня принял, но чтобы получить права надо проходить через ГАИ города Измаила. И вот как-то уже вечером этот же лейтенант вызывает меня и говорит: «Сейчас же выходи, за воротами стоит газик, поедешь практиковаться, завтра едем в ГАИ на сдачу». Я выскакиваю на улицу, прыгаю в кузов, там еще несколько бойцов – его курсанты, один из них за рулем, сам он сбоку, поехали. Проехали несколько кварталов, вдруг он кричит мне: «Садись за руль». Я сел, но я уже знал скорости, тренировался с заведенным мотором стоявших на колодках машин. И вот, после его объяснений, я молча поехал, все шло нормально, раза два он меня останавливал, заворачивал на другую улицу. Потом сказал: «Ну все, все будет хорошо». Но назавтра, с инспектором ГАИ в кабине, не все шло хорошо: задом заехал в ворота, на повороте в Т-образном переулке правым колесом чуть заехал на тротуар, он меня поздно предупредил, куда поворачивать. Потом он взял мой проходной лист, долго думал и написал: «Десять дней подготовки». Правила уличного движения принимали до вождения, и там я получил отметку «сдал». За эти десять дней мне пришлось еще сесть за руль и покрутиться по улицам, но теперь я уже за рулем сижу уверенно, и не выступал пот на лбу. Но с этим же инспектором опять произошла стычка. В расположении нашей части одна улица была перегорожена, но между загородкой и забором по проезжей части и тротуару можно было проехать. И вот он мне говорит, чтобы я поворачивал в эту

улицу. Я отвечаю, что она загорожена, туда ехать нельзя. Он мне в ответ: «А я говорю, поворачивай», показывает он на тротуар. Я переключаю на вторую скорость и проезжаю одним колесом по тротуару. Только заехал, он кричит: «Стой! Ты куда заехал?». Спокойно отвечаю: «Куда меня заставили». Тогда он уже спокойным голосом: «Ладно, сдавай назад». Крикнул ребятам на машине: «Смотрите там», - и выезжаю на тот след, откуда заехал, и остановился, ожидая его команды. Он молча берет мой лист и пишет «сдал с оценкой «хорошо». И опять так грубо: «Можешь идти в ГАИ». Так я получил права шофера и стал шофером в резерве, как сказал начальник мастерских.

Вскоре мы покинули город Измаил и перебазировались в немецкое село, из которого немцы выехали в Германию. При перегоне машин, находившихся в резерве для второго полка, я практику приобрел уже настоящую, так как расстояние было 60 км. В Измаил нас везли на одной машине, а с Измаила мы гнали своим ходом машины. В этом селе Гпаденталь наш 265 корпусный артполк простоял до дня начала Великой Отечественной войны. Здесь мы получили второй комплект артсистем и тракторов С-65 к ним, а за месяц до начала войны был полностью укомплектован этот полк командным составом. Мы все чувствовали, что надвигается конфликт, но, конечно, никто точно не знал дня начала. А что теперь говорят, что наши руководители ничего не знали, ничего не делали, то это говорят те, кто действительно ничего не знал и не подозревал, а подготовка велась, но не успели. Знали, что Гитлер готовился напасть, но не знали когда. В нашей солдатской среде тревога появилась, когда спешно началось формирование второго полка, усилилась боевая подготовка. Бывало, свободный час бойца мог продлиться и два часа, когда сидели в тени под деревом, забивали козла в домино или писали письма, а в последний месяц даже некогда было написать письмо.

Мне запомнилась одна интересная вещь, когда я сидел под дерево играть в домино, на мою фуражку летел птичий помет, и куда бы я не пересел, все равно, на моей фуражке

образовывалось от мокрого помета пятно, а когда нам стало некогда садиться за игру, то стоило мне пройти под деревом, как тут же я ощущал на фуражке шлепок. И вот, после очередного такого явления, старший сержант Чичиринский Юзик, еврей по национальности, говорит: «Слушай, Павел, что тебя птички отмечают от нас: ни на кого не пачкают, только на тебя. Это не перед добром». Ну, посмеялись и забыли про эти предрассудки.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

22 июня только забрезжил рассвет, нас подняли по тревоге, а минуту спустя мы стояли в строю, и начальник нам объявил: «Фашистские самолеты бомбили наши города и некоторые участки по пригранице, в устье Дуная разрушена дамба, через которую пошла вода, и наше расположение оказалось отрезанным потоком большой воды».

Нам немедленно нужно было сняться и выбраться со всей техникой. Наше подразделение, пропустив в первую очередь трактора с пушками, проходило по воде. Речка, оказавшаяся в сухом яру, была шириной метров двадцать всего. Мобилизованное население уже соорудало из бревен настилы для переправки машин.

Вдруг подъезжает на машине помощник по технике полка капитан Горький и приказывает моему командиру: «Имеющего права вождения...», называет мою фамилию, отправить в его распоряжение. Сажусь в кузов его машины и еду обратно в расположение его полка. Подъезжаем ко двору, где располагалась санчасть, и стояла машина ГАЗа, нагруженная выше кабины мешками, ящиками и узлами, поверх которых, обложившись узлами сидели фельдшер с тремя кубиками в петлицах Людмила Литвинова, а в кабине – главврач полка, вернее, медслужбы полка, Александра Васильевна Белая со шпалой на петлицах: в то время отличие было у капитана. Я их, конечно, хорошо знал, как весь личный состав, а они не могли знать всех. Врач была высо-

кая, стройная, волос оправдывал ее фамилию, был, прямо, что называется, белый. «Вот вам, Александра Васильевна, водитель», - сказал капитан, помощник по технике: «Будет у Вас пока, пришем другого». Дисциплина армейская есть закон, я козырнул и доложил: «Старший сержант Мартыненко». «А другого нам не надо», - улыбаясь, ответила врач.

Подъезжаем к месту переезда, а здесь уже колышется на воде переправа, связанная из бревен, и переезжающая машина помощника по технике садится в воду почти под кузов. Ну, думаю, все, я не выеду. Вспомнил, что машина новая и в карбюраторе стоит ограничитель оборотов двигателя, выскакиваю, открываю капот, снимаю ограничитель. Сажусь, двигатель работает как часы, обороты набегают быстро. Выезжаю на плот, он оседает все ниже и ниже, сердце в груди замирает. Еду на первой скорости, нажимаю на газ, но чувствую перебои двигателя. Выскакиваю с бревен на берег, сильный качок с бревен из стороны в сторону, фельдшер на машине, слышу визг, упал! Останавливаю двигатель, троит. Сзади машины, у самой воды лежит мешок; оказался с индивидуальными пакетами, а фельдшер Людмила сидит и смотрит на меня, ничего не говоря. Я понял, что она сейчас думает: «Ну и водитель, где ты взялся». Я, наверное, в лице так изменился, что она улыбнулась и сказала: «Да ладно, чего уж там, ничего страшного». Я подошел, открыл капот, а там как после дождя забрызгано водой. Вода достигла лопастей вентилятора, вот, думаю, почему двигатель стал троить. Ничего не оставалось, как пробовать заводить двигатель и ехать: впереди уже никого не было видно. Кругом ровная степь, да след прошедших тракторов с пушками. Сидевшая в кабине врач все это время молчала и вдруг заговорила: «Что, понравилась наша Людмила?». Мое внимание было обращено на дорогу, и я не нашелся, чтобы сразу ответить, а она не дождавшись моего ответа, повернулась ко мне лицом, продолжая, видно, свою мысль, сказала, вернее, сама ответила на свой вопрос: «Она хорошая девушка и хороший человек». Не отрывая глаз от дороги, я ответил с улыбкой: «Да, девушка что надо, хорошая,

да на петлицах три кубика носит». Все это время с лукавством в улыбке смотревшая на меня врач рассмеялась и стала такой, какой я ее никогда не видел.

След тракторов по степи закончился, я выскочил на дорогу и нажал на газ, вскоре догнал колонну. С этого момента я стал вращаться среди белых халатов. К вечеру наш полк был на огневых позициях на берегу реки Прут, а утром 23 июня наши артиллеристы отбивали атакующих румын и немцев и разбивали плоты, которыми противник старался навести переправы.

Вскоре появились раненые, правда, в основном, пехотинцы. Теперь я был не только шофером, женщины, бывало, превращали меня в санитаря, накинув на меня белый халат. Я им помогал, а сам думал, как бы скорее вернуться к своему делу и своим товарищам. Так я целую неделю «воевал» с ранеными, помогая женщинам. Как-то пришел к нам солдат уже с перевязанной рукой и ногой, сильно хромающий. Узнали, что он попал под бомбежку и ранен осколком. Врач предложила извлечь осколок, положили его на стол, врач говорит: «Придержите ему руки». Я придерживаю, конечно, когда она стала извлекать – человеку стало больно, стал дергаться, я прижал руки к столу, он матом на меня: «Что ты, гад, тут с ранеными воюешь, вон иди туда, с фрицами повоюй!». И тут врач не выдержала: «Прекрати разговоры, тебе помощь оказывают, а ты матом благодаришь. Кого где поставили, тот там и воюет. Ишь ты какой умный!». Притих солдат.

Полевой госпиталь находился от нас в километрах четырех, я завел машину, отвез его, только тогда он поблагодарил и извинился. Так я за эту неделю вымотался, что теперь как увижу людей, особенно женщин, в белых халатах, так невольно вспоминаю, какая у них адская работа на войне. И вот как только пообедали, я закурил и растянулся на зеленой траве в холодке под машиной. Вдруг подкатывает газик, из кабины выскакивает мой командир, лейтенант Осадчий и кричит, увидев меня: «Вот я привез тебе замену, передавайте машины друг другу, и поехали». Врач и фельд-

шер были в санитарной палатке, вдруг выскакивают: «Никуда он не поедет». Начальник мой, не обращая внимания на слова врача, продолжает: «Пойдем, пойдем, хватит здесь лежать, надо делом заниматься, а то я уже замучился один». Потом врачу пояснил, чем я должен заниматься и что я тут был временно. «Ну что ж, ничего не поделаешь, но жаль нам отпускать его,» — сказала врач. Я помахал рукой, сел за руль газика с начальником и укатил в свое подразделение; теперь я стал не только старшим артиллеристом, но и шофером по совместительству. Спустя три дня мы начали отходить, потому что немецко-румынские войска прорвали оборону и слева и справа — наш участок обороны оказался в полукольце. Так мы с боями отходили к реке Днестр. Переправившись через реку, заняли оборону. Огневые одного дивизиона находились с одной стороны села Беляевки, а два дивизиона с другой. И вот после установки орудий и проверки их прицельных установок, я с арттехником Карукиным в кабине и двумя мастерами в кузове, поехали через село в другие дивизионы. Время было часов девять утра. Не доезжая до первых домов, откуда ни возьмись, появился «мессершмидт» и открыл огонь по нашей единственной машине, но просчитался. Впереди машины, метрах в пятидесяти, по дороге прострочили пули, я резко остановился, слышу, ребята сверху кричат: «Мессер опять заходит». Я быстро включаю скорость и заезжаю за первый попавшийся сарай, под стенку. Самолет, видно, потерял меня, прошел дальше в село, и опять застрочил пулемет, еще покружился самолет и улетел. Мы едем дальше, и вдруг перед нами с правой стороны плач, вой народа, толпа и санитарная машина. Оказывается, здесь базар и день был воскресный. И вот фашист прошелся по базару, несколько человек убиты, ранены ни в чем неповинные люди. Не удалось гаду уничтожить одну машину, так он отыгрался на мирных жителях, на детях и стариках.

К этому времени немцы и румыны уже испытали огонь наших артиллеристов. И там, где стоял полк майора Н.В. Богданова, там фашистам прохода не было. Самолеты сбра-

сывали листовки: «Богдановцы, сдавайтесь!». Немцы старались делать прорыв по флангам, и мы снова попадали в полукольцо, почти в мешке уже были и пришлось опять отступить с боями до Одессы.

НА ОБОРОНЕ ОДЕССЫ

Полк занял оборону у села Большой Дальник. Противник, видно, считал, что Одессу возьмёт с ходу и в походной колонне двинулся по дороге лавиной. Наши войска за день раньше заняли линию обороны основательно. Пушки были зарыты, как говорится, в землю, замаскированы за лесными посадками с обеих сторон дороги, да так, что и знающий расположения не сразу заметит. Когда разведка доложила, что прямо по дороге движется большая колонна танков и артиллерии противника, командир полка майор Богданов дал команду: «Авангард колонны пропустить до прямой наводки. По сигналу Красной ракеты третий дивизион прямой наводкой по голове колонны. Второй дивизион уничтожает центр, и первый дивизион накрывает хвост». Когда передавалась эта команда, я только зашёл в землянку командира взвода восьмой батареи лейтенанта. Он положил трубку и спросил меня: «Ну, что там, всё в порядке, не промажем, а то подпускать придётся близко». Я ответил, что все прицельные линии проверены, теперь всё зависит от снайперов. Вскоре боец принёс обед, лейтенант пригласил к котелку с борщом, появились свежие помидоры, а они были рядом, на поле. Не успели мы докончить кашу, как запищал зуммер полевого телефона. Лейтенант взял трубку. Послышался голос комбата старшего лейтенанта Зелёного В.: «Семнадцатый, семнадцатый, слушай, впереди тебя немного левей, метров триста маленькие пальчики п.т., смотри там ваши пальчики проверяли?» (П.т. — это противотанковые пушки) «Да, да я всё понял, всё проверено, » — лейтенант положил трубку и сказал: «Наверное, скоро начнётся, давай быстрее пообедаем». Лейтенант был постарше меня, у него была с

ним семья, которая оставалась в селе Гнаденталь, там, где располагался полк, и оставалось командование сформированного полка, которое должно было эвакуировать семьи офицеров в глубь страны. И теперь мне почему-то пришла мысль: как там, успели ли эвакуировать их семьи, с этими мыслями я сидел и смотрел на осунувшегося лейтенанта с задумавшимся лицом. По его состоянию было видно, что он переживает за судьбу своей семьи. Я вспомнил, как в выходные дни он потихоньку шёл с женой по улице, а впереди, обгоняя друг друга бегали то вперёд, то возвращались к родителям годика по четыре двое мальчишек – близнецов. И даже в таких карапузах можно было видеть копии отца и матери. И я сейчас сидел и думал, что с ними сейчас, ведь фронт прошёл, а он ничего не знает о них. Прервал мою мысль сам лейтенант: « Так, ну чего задумался, доедай кашу, а то ведь тебе надо отсюда уходить ». Я ушёл в расположение своего подразделения, но потом слышно было, как началась артиллерийская канонада, длившаяся полчаса, не больше. И тут же облетела весть о том, что колонна противника разбита. По-видимому, об этом бое артиллеристов Богдановцев в своих мемуарах маршал Николай Иванович Крылов, тогда полковник, начальник оперативного отдела армии, оборонявшей Одессу, очень хорошо отзывается, в том числе и о нашем 265 корпусном арtpолке и об его командире Николае Васильевиче Богданове. Об этом я узнал, когда в 1983 году был приглашён на встречу ветеранов 265 КАП. В музее обороны Одессы меня попросили указать то место, где проходил этот бой, но оказалось, на этом месте давно стоят дома расстроившейся Одессы, вместо хутора Дальник. Установилась твёрдая линия обороны. Противник пытался прорвать оборону, то в южном, то в северо-западном секторе обороны. С нашей стороны давался отпор, и шли горячие бои; то устанавливалось затишье, и пролетали снаряды дальнoбойных орудий противника через наши головы и доставали до окраины города, и мы к этому привыкли, что не обращали внимания. Вот в такой ситуации и наступила наше подразделение страшная беда. Мне сообщили,

что на огневой позиции от взрыва снаряда противника повреждена пушка. Я на своём газике подъехал к посадке, потом пешком прошёл на огневые позиции, осмотрел пушку, убедился, что без сварочных работ не обойтись. Было дано указание вывезти вечером пушку для ремонта. Возвращаясь к месту расположения, забарахлил двигатель. Я стал копать в двигателе, следом за мной подъехал начальник лейтенант Осадчий и шофёр Иванов Кузьма Степанович. Так как мы уже пообедали, то они ушли на кухню дивизиона, которая располагалась в одном из сараев скотного двора. Здесь были радиотехник Зубков Николай Иванович, арттехник И.Н.Карукин и старший сержант радиомастер Бондарчук, мастер по оптике младший сержант Чудаков, сержант Волков Михаил и ещё один солдат. Они вдвоём всего три дня как пришли к нам. Все занимались своим делом, открыв капот я копался в машине. Вдруг раздался взрыв, я почувствовал боль в спине и очутился сидящим на земле возле подножки автомашины ЗИС, на которой подъехал Иванов с начальником. Сразу у меня мелькнула мысль: «Услышал взрыв – значит жив». В ушах, вернее, в голове, звон. Тишина. Дым, пыль, смрад от взрывчатки. Вдруг стон, я схватываюсь, бегу туда: на земле лежит техник Карукин И.А. и левой рукой тянется к пистолету, который находится с правой стороны, в кобуре. Увидев меня, просит пристрелить. Смотрю, у него кисть правой руки висит обрубленная. Я начинаю его поднимать, чтобы уложить на машину, вдруг меня за плечи кто-то обхватил, поднимаю голову, а это мой начальник. В это время послышались стоны со всех сторон. Мы тащим техника к машине, а Иванов кричит: «На мою машину кладите, газик разбит». И так кое-как, заматывая или перетягивая раны, мы сложили в кузов шесть человек. Одного нового рядового сажу в кабину. Рядовой Кузькин убит осколком в висок. Я встаю на подножку ЗИСа, и едем в город, прямо в госпиталь. Въезжаем на улицу, а улицы перегорожены баррикадами, мощенные камнем. Машина трясет раненных. Слышу, они просят ехать тише, просят меня подняться к ним в кузов. Я шоферу говорю, чтобы ехал быст-

рее, потому что раненные истекают кровью. Сам забираюсь в кузов, Миша Волков ранен со спины в грудную клетку, в предсмертии протягивает мне руку, я ее подхватываю, но уже безжизненную. И в это время, в такой страшный час, старший сержант Чигиринский Юзик мне говорит: «Как видишь, не зря тебя птички своим пометом отмечали от нас всех». У меня от этих слов сжимается комок в горле, задрожали губы, я ничего не могу ответить, разбрасываю руки в стороны, наклоняюсь и обхватываю всех, заливаюсь слезами. Молча прикасаюсь мокрыми от слез щеками к их лицам и не нахожу слов утешения. Миша Волков еще чуть слышно дышит, но глаза уже потухшие. Вдруг машина остановилась, я приподымаюсь с колен, вижу, санитары с нашим шофером Ивановым К.С. открывают задний борт кузова. Иванов заскакивает в машину, и мы вдвоем укладываем в поднятые санитарями носилки. Когда соскочили с машины, и я повернулся, чтобы закрыть борт, теперь только я увидел, сколько крови осталось в кузове, что видно было сколько лежало человек. У меня закружилась голова, я качнулся, в глазах потемнело, в это время меня подхватили два санитары и повели в подъезд госпиталя. Я им говорю, что со мной все в порядке, а врач мне в ответ: «Посмотрим, ты весь в крови, если все в порядке — держать не будем». Завели в кабинет, я разделся до пояса и только сейчас увидел, что у меня брюки, гимнастерка впереди в крови. Помазали все царапины зеленкой, потом сестра поднесла зеркало: «Ну вот, видишь, какой красивый?». Поднесли стакан вина, я выпил. Через несколько минут вошел врач, осмотрел и сказал: «Ну, вот теперь, до свидания». Прямо отсюда мы двинулись на место происшествия. Здесь бойцы с хозяйственного, работавшие на дивизионной кухне уже похоронили убитого солдата, и командир этого отделения говорит: «Лейтенант Осадчий уехал докладывать в штаб и сказал, чтобы вы его дожидались». Теперь нам предстояло мою машину, у которой оказался пробитым радиатор, взять на буксир и ехать в город, где стояли наши тылы и половина нашего подразделения. Все мы подготовили, а нашего начальника

не было, противник опять начал обстреливать, я принимаю решение выехать на дорогу в Одессу и там подождать. Так мы и сделали. Подъехали почти к городу, свернули в посадку и стали ждать. Место и сарай, где мы стояли, можно было наблюдать. Было видно как мимо сараев по улице ехали конные повозки, которые подвозили что-то, и вдруг обрушился артиллерийский обстрел, да такой, что разлетались эти повозки во все стороны; не стало и этого сарая, под которым стояла наша машина. И вот смотрим на дорогу, вроде едет машина нашего полка, я подбегаю к дороге, а наш начальник на тихом ходу выскакивает из машины и бежит с поднятыми руками, обнимает и тут же одобряет мое решение не ждать, а выехать «Ты знаешь, что со мной было, когда я увидел, что там сделано, мне и так попало от командира полка, что вывез мастеровых людей к линии фронта и погубил их, а меня ведь заставил начальник артснабжения капитан Серый», - выпалил мой начальник. Он был такой возбужденный, что я понял: начальник мой крепко выпивший. Машину он отпустил, она была дивизионная, и мы уехали в город в расположение тылов. Начинался ужин и ребята пошли на кухню. Вдруг прибегает сержант Воронкин Алексей и говорит: «Там наш начальник ходит пьяный с пистолетом в руках, ищет капитана Серого и кричит, что убьет его». Я быстро бегу к кухне, его, то есть Осадчего, нашего начальника уговаривают, а он размахивает пистолетом. Я подхожу, обращаюсь к нему по форме и говорю: «Вас вызывает командир полка». Он как-то сразу успокоился, опустил руку с пистолетом к кобуре и не может попасть в нее, я осторожно беру пистолет себе в карман и под руку его веду. Пока дошли к себе, он даже забыл, что его «вызывал» командир полка. Ребята принесли ужин на всех, мы с ним сели, поужинали, и он в машине – мастерской на верстаке, где была его постель, уснул. Утром открывает дверь и кричит, зовет меня, я прихожу, он спрашивает: «Ты не знаешь, куда я дел пистолет?». Я говорю: «Знаю», - рассказал ему, что он выдывал, и вернул ему пистолет. Он не только поблагодарил меня, но даже попросил: «Если еще что-нибудь подоб-

ное будет со мной ты меня удерживай, вот дурной какой-то характер у меня». Я не стесняюсь, говорю: «Надо меньше увлекаться водкой». «Да, наверное, это так», - заключил он. Но ведь до войны я никогда за ним такого не замечал. Он часто говорил о семье, о которой ничего не знал, как все командиры полка. Бывало, едем с ним в кабине на огневые, он вытащит из кармана семейную фотографию, смотрит, и слезы накатываются на глаза. «Наверное, фашисты уже уничтожили», - скажет. По-видимому, поэтому стал пить лишнее, поверх 100 граммов выдаваемых. А, спустя много лет, на встрече ветеранов однополчан от нашего бывшего начальника артскладов, тоже лейтенанта, А.И. Зарянича, я узнал, что на обороне Севастополя лейтенант Осадчий погиб, и он, Зарянич А.И., был вместо него. Итак, после страшной трагедии на второй день нам позвонили из госпиталя. Техник лейтенант Зубков Александр Иванович умер, сержант Волков Михаил умер вскоре как привезли в госпиталь. И мы уехали их хоронить. Потом заехали увидеться с ранеными. Арттехник Карукин лежал без кисти правой руки, старший сержант Чигиринский Юзеф без ступни левой ноги, и теперь он рассказал как он, как телефонный мастер, хотел на велосипеде проехать в домик к связистам, которые связывали тылы со штабом полка, и только левой ногой стал на педаль, а правую поднял, в это время сбоку от него разорвался снаряд, и ногу ему вместе с педалью отрубило. А остальные-сержант Бондарчук и Чудаков и еще рядовой боец, вроде бы ранены не сильно тяжело, врачи пообещали через три дня всех их эвакуировать на «большую землю». Но нам позвонили через два дня и мы с начальником уехали в порт, где грузили раненых. Оказалось, что Чудакова не эвакуировали. Когда проносили на носилках наших боевых товарищей, мы с каждым попрощались, предчувствуя, что это навсегда. Ребята нам сказали, что Чудаков по словам врачей поедет в эвакуацию в следующей партии. Но не успели мы вернуться «домой», как в подразделении нам сообщили, что Чудаков умер от гангрены, а ведь он был ранен в нескольких местах мелкими осколками. Когда мы приехали,

чтобы похоронить его, одна из сестер, рассказывала, что она давала несколько раз ему собственную кровь, говорила, плача навзрыд: «И не спасла его» Итак, казалось бы подразделение, которое не участвует непосредственно в боях, от одного случайного снаряда потеряло ровно половину от своего состава. Из девяти человек, среди которых упал и взорвался снаряд, я один остался с царапанным лицом, наверное осколками лобового стекла, разбитого в моей машине. Снаряд упал в полутора метрах от левого переднего колеса, осколками побита кабина слева, справа от меня пробит радиатор и правое крыло. Я отделался еще синяком на пояснице, которой я ударился о подножку ЗИСа, куда меня отбросило волной взрыва.

Итак, четыре боевых товарища, с которыми вместе из одного котелка ели и пили по два, три года, остались навечно в городе Одессе, который защищали и отдали жизни многие сотни людей. В моей зримой памяти остались их лица, отпечатанные как на фотографии. На всю жизнь такого момента в жизни забыть невозможно и грешно. Сейчас, спустя более пятидесяти лет, я вспоминаю с сжимающимся сердцем и эти строки воспоминания былого с комом в горле и со слезами, текущими по щекам, как в то время, когда я их обнимал и плакал на машине, везущей их в госпиталь. Разница только в том, что тогда слезы вытирались об их побледневшие лица, а сегодня вытираю сухим платочком. Что-то я раскис, беру себя в руки.

Итак, оборона Одессы продолжается, враг начинал все больше и больше наглеть. Наш Богдановский полк продолжал громить врага. Враг вывел из строя два 152 мм орудия, да так, что пришлось увозить их на склад. Но приехав туда, сдавать орудия, я увидел уже несколько таких же подбитых. Оказалось, что механизмы выведены из строя разные и мне пришла в голову мысль: может их переукомплектовать, но по наставлениям этот вариант отпадал, так как изготовление пушек производилось на заводе поштучно, и механизмы могли не спариваться, но у меня было такое правило: «Риск – благородное дело». Я обратился к начальнику Пас,

он разрешил. Здесь же на территории был завод, где был полевой артсклад. Оказалось, и армейские мастерские, прислали мне помощь, и через два дня наши орудия вышли на огневые позиции. В тот же день командир полка приказал начальнику мастерских явиться в штаб вместе со мной, когда мы зашли, Осадчий доложил о прибытии. Майор Богданов вышел из-за стола. Я козырнул, хотел доложить о себе. Он поднятой рукой остановил меня и сказал: «Знаю, знаю, старший сержант, о Вас (он всех называл на «Вы»), я еще помню, как Вы, будучи курсантом, на занятиях вели себя. Сейчас Вы подтвердили мои надежды». И как бы мимоходом спрашивает: «Какое у вас образование?». Я отвечаю, что четыре класса и два вечерних. Рассмеялся он: «Значит шесть?». Я промолчал. Он к своему адъютанту: «Завтра представить документы на присвоение звания младшего военного техника». А моему начальнику: «А Вы подготовьте документы к награде, а сейчас можете быть свободными, спасибо за орудия, которые сейчас нам так нужны». И недаром потом в своих мемуарах маршал Советского Союза Н.И. Крылов вспоминает майора Богданова Н.В., что его полк не потерял ни одного орудия на обороне Одессы.

Через несколько дней начальник артмастерских Осадчий зачитал приказ о присвоении мне младшего тех. лейтенанта и вручил два из собственного запаса кубика. Теперь я стал шофером с кубиками. Это было в начале октября, а 7 или 8 вдруг получаю приказ загрузить машину запчастями для 152 мм орудий и третьим дивизионом ехать в порт и грузиться в крупное судно под названием «Джон – джерес». Когда я и со мной сержанты А.И. Воронкин, Петр Улиткин, Петр Гришин с ним девушка одесситка Анна, фамилии я ее так и не помню, подъехали, наши пушки и трактора уже загружал большой плавучий кран, в самый низ. Потом пошли автомашины, Потом лошади кавалеристов, потом зенитные орудия и спаренные зенитные пулеметы. Вышли из порта ночью, а днем нас встретили самолеты «юнкерса», но наши зенитки встретили их таким огнем, что один из них упал в море, а два побросали бомбы с большой высоты мимо. Мо-

жет, даже потому, что капитан так маневрировал, что на бок ложился корабль, даже на палубе было не просто устоять. Но все прошло благополучно. Это было мое первое плавание в открытом море, меня закачивало, тошнило, даже сначала рвало. Но прибыли в Севастополь нормально. Пока мы разгружались, на другом транспорте прибыли остальные два дивизиона и наше подразделение. Теперь шофера Иванова дали мне, так как его машину оставили в Одессе, некуда было грузить. Пока те дивизионы разгружались, наш третий дивизион срочно передали 51 армии, которая сдерживала немцев на перекопе, на правом фланге. Потом два дивизиона вместе с прибывшей приморской армией заняли левый фланг. Третьим дивизионом командовал сначала капитан Ерохин, после его ранения командиром дивизиона стал его заместитель майор Тарасов. Начальником штаба был старший лейтенант Заколичный Владимир Иванович. Но натиск немецкой армии Манштейна наши части не выдерживали, так как до нашего подхода он уже успел расширить свой плацдарм и нам, недели две спустя, отходить пришлось с боями в направлении Керчи. А наш 265 КАП в составе двух дивизионов со 107мл пушками ушёл на Севастополь, потом им пришлось оборонять Севастополь.

Наша 51 армия отходила с боями. 11-12 ноября оставили наши войска город Керчь и заняли оборону по побережью Чёрного моря от Ильичёвки до Тамани. Наши огневые находились от Ильичёвки до станицы Запорожской. Здесь с нашего, а вернее, на основе нашего дивизиона сформировался 53 артполк РКК под новый 1942 год. При поддержке нашей артиллерии по льду перешла наша пехота и захватила плацдарм. Потом по настилу из соломы, залитой водой и замороженной, прошла лёгкая артиллерия и автомашины. У нас же была артиллерия тяжёлая, пока ещё 12 орудий. А ещё предстояло столько же получить у одного полка гаубицы 152 мм, который находился в городе Анапе. И вот я уехал на попутных машинах, возящих боеприпасы, чтобы получить эти пушки и ждать пока пришлют мне тягачи. Это было в конце декабря. Хорошо запомнилось, потому что получил

гаубицы, мне стянули их в один двор, где стоял на квартире у старушки. И Новый год встречал в анапском единственном ресторане, где я и ел все эти дни по талонам. Примерно через неделю моего ожидания пришла автомашина с бочками горючего для тракторов и сообщениями о том, что должны прибыть из колхозов шесть тракторов ЧТЗ-60, которыми я должен привезти 12 орудий. Правда, через два дня приходят шесть тракторов. Трактористы – гражданские в грязных одеждах и причём ветхих. На машине механик технической части лейтенант, не помню его фамилии, привозит ещё три бочки горючего и на три дня сухой паёк на них. И сам смотался. Трактора заправили с этих бочек, расставили бочки по лафетам гаубиц и шестью тракторами потянули 12 шести тонных орудий. Ехать было непросто по замёрзшей разбитой дороге. Трактора трясло как по булыжникам, и ехать то всего 90 километров. На середине пути-станция Старотитаровка, не доезжая вышли из строя два трактора, идём дальше уже по три орудия за трактором. Двух трактористов с сухим пайком оставляю в Старотитаровке, там же переночевали. Утром едем дальше, остаётся ещё 40 километров между этой станицей и Сенной, куда перебазировался полк. По дороге встретился колхозный большой полевой стан, но в нём никого нет. Проехали туда, вроде нормально, на улице мороз тянет градусов на пятнадцать-двадцать, вместо термометра так нос показывает. Зашли в большой сарай, там полно кочанов кукурузы, в домике, который даже не закрыт на замок стоит нормальная печка с плитой, но топить нечем. Недалеко в поле стоят стебли кукурузы. Затапливаем печь, разогреваем консервы, поджариваем кукурузу, есть ещё бутылка по сто грамм, как раз разогрелись и сами хорошо поели. Сразу всех потянуло на сон, трактора не глушили, работали на тихом ходу. Тянем жеребки кому какая смена дежурить, смотреть за тракторами, чтобы какой-нибудь не заглох. Трактористы все пожилые люди, моя очередь выпала третьей, договорились дежурить по полтора часа, я вынимаю часы карманные, отдаю первому дежурному, остальные сразу же уснули. Я, чувствуя свою ответствен-

ность, как-то не сразу уснул, слышу дежурный ушёл на улицу, через какое-то время я уже начал засыпать, он заходит, я поднял голову. Он говорит: «Всё в порядке». И я, по-видимому успокоившись, заснул, как в яму провалился. Вдруг слышу громкий разговор. Оказывается, проснулся самый из нас старший (он потом говорил, что ему 50 лет скоро будет), по надобности пошёл на улицу, в комнате темно и слышал, что один трактор не работает, он к нему, а у него радиатор разморожен. Он зашёл, начал шуметь, а дежурный уснул. На часы посмотрели, а там 4 часа ночи. Тут, конечно, не до сна, пришлось цеплять за трактор и двигаться уже по четыре орудия по темноте. Зато к полудню с возвышенности нам показалась на берегу моря Сенная, а через полчаса в улицу втянулся наш караван и остановился против дома, в котором находился штаб полка, в котором уже жаждали его прибытия. Из дверей выскочили командиры дивизионов во главе с начальником штаба капитаном Заколичным В.И. Я попал в объятия, одни вроде поругивали, другие благодарили, а я заросший, закопчённый, грязный и замёрзший. И возле меня стояли в грязной спецовке одетые в гражданском водители машин, у которых только блестели глаза и зубы на чёрных от копоти и грязи лицах. Обо всём я доложил, где остались сломанные трактора и люди. Начальник штаба командирам дивизионов дал распоряжение о немедленном принятии мер о выезде за людьми и техникой, вышедшей из строя. А мне сказал: «Ну, что ж техник-лейтенант, иди отдыхай». Я думал поправить, только заикнулся «младший лейтенант». Он перебил меня: «Я не ошибся, в связи с организацией полка многим повысили звания».

На второй же день мы двинулись в городок Тамань, откуда должны были переправиться транспортом в Керчь. Спустя несколько дней мне опять предстояла командировка для получения в Новороссийске запчастей и инструмента для наших 152 мм пушек-гаубиц, так как при переправе с Керчи нашу машину, нагруженную запчастями, не переправили, а только взяли людей. И вот сейчас всё это надо было получить с армейских складов в Новороссийске. Опять дают

мне машину попутную, которая идёт в Геленжик. Я беру с собой двух человек и опять в командировку, опять проходит три дня пока получил; столько же ждали машину. Когда вернулись в Тамань нашего полка и след простыл, его переправили в уже освобождённую Керчь. А пока я дождался переправы, то догнал свой полк уже под Феодосией. Это уже был февраль. Установилась позиционная война, велась перестрелка на рубеже 18 километров по ширине фронта. С обеих сторон фронта шла подготовка к наступлению. В апреле месяце в одной из артиллерийских дуэлей было выведено из строя одно орудие. У нас не было походной мастерской, пришлось ехать в Керчь на завод Войкова, который уже начал работать. Беру я с собой своего шофёра Иванова (теперь же у него машины всё нет) и едем поездом, который от Керчи до станции Семколодезей возил нам боеприпасы. Приехали вечером, а где ночевать. Мой Кузьма Степанович говорит: " «Пойдём к хозяевам, где мы стояли, когда переправились» » Заходим в дом, хозяйка нас приняла очень хорошо, переночевали и поехали на завод. Заказ мой приняли, но сделать до конца смены не сделали. Днём был налёт немецких самолётов, бомбили и город и завод. К вечеру подходим к дому, наша хозяйка стоит с пятилетним ребёнком и с нашей солдатской сумкой с продуктами возле разрушенного дома и спокойно говорит: «Пойдёмте под гору Метродат, там живут мои родители, там никогда не бомбят». И вот почти в конце улицы поднимающейся в гору Метродат подходим к маленькому аккуратному домику. Заходим в дом, нас встречают двое стариков, после рассказа о случившемся старик говорит: «Ну оставайтесь у нас, у нас здесь не бомбят, да и что тут бомбить?» Вынули мы свой сухой паёк, открыли чекушку, устроили общий ужин. Старик повеселел, долго рассказывал про жизнь свою. На утро мы снова ушли на завод. И опять наш заказ полностью не был выполнен. Снова город бомбили, как и завод. К вечеру мы возвращаемся, идём по улице и не узнаём несколько домов. Нет в том числе и «нашего», возле развалин стоит бабка с нашей сумкой и плача рассказала, что дочка с внучкой ушли к знако-

мым, старик раненный в госпитале, а она ждёт нас и не знает, куда нас поместить. Теперь мой Кузьма Степанович говорит: «Ещё есть дом, где стояли наши ребята». И вот мы приходим, уже зажгли в домах свет. В доме хозяин лет сорока, его жена, дочь лет девятнадцати, парнишка лет двенадцати и маленькая дочка годика два. Конечно, Кузьму Степановича они узнали, он у них бывал. Ну а я начал знакомиться. После нашего повествования о нашем странствовании по городу, они поняли, что нам надо где-то переночевать, они все взрослые, как сговорились: « Не беспокойтесь, найдём место». После ужина девушка предложила нам сходить в кино, итак втроём мы смотрели кинокартину «Свинарка и пастух».

На следующий день попрощались, обменялись адресами, и у нас с девушкой завязалась любовь с первого взгляда. И завязалась переписка. На фронте всё ещё шло накапливание сил с обеих сторон. Но вдруг 8 мая 1942 года с рассвета внезапно как-то ударила артиллерия противника и эшелонированная бомбардировка, в эшелоне по 50-60 самолётов. Это было что-то новое. После такого налёта, что было не

1942 год

зарыто в землю, всё уничтожалось, почти в каждой яме, где стояло орудие рвало по две бомбы, и половина наших орудий была разбита, связь телефонная была повреждена. Наше подразделение находилось от линии фронта километров в трёх, просто в землянках. Начальник артиллерийского снабжения с присланным начальником артмастерских уехали в штаб полка, я остался с мастерами ждать их, но так и не дождался. Мимо нас в километре прошли наши дивизионы с пушками, на половину разбитыми проходят последние пехотные подразделения, а мы стоим, ждём приказа, что делать. И я даю команду, на свой риск, забрать стрелковое оружие какое было, пистолеты в вещмешки, карабины на плечи, и пошли вклинившись в разрозненные пехотные группы. Прошли в сторону Керчи километров двадцать, смотрим стоит несколько пушек нашего полка в боевом положении. Расспросил не видели ли кого из наших. Командир взвода ответил, что видел старшего лейтенанта К.И.Стогния-проехал на машине не очень давно. Километров за шесть встречает нас Стогний. Оказывается, ему кто-то сказал, что нас там где мы были нет, вот тут я впервые усомнился в своём начальнике, потому что мы уходили нигде никого вокруг нас уже не было. 9 мая уже отступили к Керчи. Километрах в 12 от города наши дивизионы заняли огневые. В открытом поле напор немцев ослаб, в основном, долбила нас немецкая авиация ударами бомб. И вот после одного из налётов позвонили нам и сообщили о том, что у одного орудия разбит прицельный механизм. Я с мастером Воронкиным А. сажусь в машину, едем, чтобы установить новый прицельный механизм. Подъезжаем ко второй батарее, подходит ко мне знакомый фельдшер Николай Ильин, он тут оказался после бомбёжки, были легко раненные. Он мне сообщает, что надо ехать с прицелом на третью батарею, которая находилась в метрах пятистах. Я посылаю туда мастера, сам остаюсь поговорить с давно не видевшимся Ильиным. Погода стояла прекрасная, солнечная, вроде какой-то дымкой в воздухе. Вдруг откуда-то вынырнули три «Юнкерса», идут не более двух-трёхсот метров от земли, и все

три сразу сбросили бомбы. Как стояли мы друг против друга так и упали на землю. Как по очереди сыпали самолёты бомбы, так начали рваться всё ближе и ближе. Вдруг взрыв такой силы, что подбросило от земли и опять опустило. Больше взрывов я не слышал. Поднимаю голову, чтобы посмотреть на онемевшую ногу. Приподнялся, сел, смотрю задник моего левого сапога, как острым ножом срезало до портянки и тут же повторяю: «Нет, нога целая». Реакции со стороны соседа никакой, поворачиваюсь, мой товарищ, опираясь на локти, чуть приподнял голову с бледным лицом, тихо застонал, и голова опустилась лицом вниз. Я вскакиваю на ноги, но тут же падаю на левую ногу, на коленях стою и вижу ужас: Ильин лежит на краю большой воронки, клочья ваты с телогрейки и окровавленный правый бок. Я поднимаюсь, уже удерживаюсь на правой ноге, кричу огневикам ближней пушки. Зову их на помощь, а сам бегу, хромя, к своей машине, чтобы взять Ильина, но пока подбежал к шофёру, да оттуда доехал лейтенант, наш фельдшер скончался. Ему большим осколком вырвало всю внутренность. У меня в голове звенело, слышал я как заткнутыми ушами, а когда я шофёру рассказывал о случившемся, когда подбежал к нему, то он потом говорил, что я шевелил губами, а мне казалось, что я кричал. Потом я понял, почему он так непонимающе смотрел на меня. Поэтому он подъехал к Воронкину, а тот уже заменил прицел, быстро покатались мы в санчасть. О чём он говорил с врачами я не слышал, но они дали мне что-то выпить и предложили в палатке на носилках лечь, укрыли одеялом. Меня начало трясти, как когда-то малярией, и я погрузился в сон. Утром 10 мая я просыпаюсь, слышу на улице за палаткой разговоры, собирают автомашины ехать в Еникале, там склад боеприпасов, за снарядами. Выхожу, начальник артеснабжения увидел меня, зовёт и говорит: «Командира взвода боепитания пока нет, бери машину и езжай за боеприпасами, вот накладная». Набегу завтракаю и еду, по пути в Керчь, заезжаю на квартиру своей знакомой девушки, узнать, что с ними. Ведь она комсомольский работник, ей оставаться нель-

зя. Но, наверное, всё-таки судьба такая, я её застаю дома, она уже собрана для эвакуации, но не знает как ей добраться на Еникале к переправе или хотя бы на завод «Войкова», где в Приморском райисполкоме сбор всех работников райкомов и исполкомов. Ну, что здесь творилось? Наверное, каждый живой человек может понять: родители пока оставались, а дочь уезжала в неизвестность. Времени у меня не было, мы быстро бросили узелок в кузов, сами туда же и уехали. Райком находился на территории завода. Мы заскочили убедиться есть ли кто-нибудь там или уже уехали, но оказалось, что руководство было ещё на месте и собиралось вот-вот уезжать, ждали транспорт. Мы вышли на улицу, в это время налетели самолёты, но мы успели добежать до высокой, заводской, бетонной ограды. Обнявши друг друга, мы прижались к бетонной стене. Прогремели взрывы на территории завода. Здесь мы простились, пообещали друг другу: она – ждать, а я вернуться к ней с победой.

Со снарядами в машине я вернулся на огневые, и здесь опять попали под бомбежку, но обошлось благополучно, а через день, утром 12 мая мы все оказались в районе завода Войкова. Для наших пушек боеприпасов уже не было, и пришлось со своими пушками ехать в Еникале, надеясь на их переправу. Но наши войска уже были так потрепаны, дезорганизованы, что почти никакого сопротивления не давали, мои начальники опять уехали на машине, уже захватив всех людей подразделения, я опять остался с двумя мастерами и с кое-каким имуществом, чтобы вторым рейсом забрать нас, надеялись все еще на переправу. Но через несколько минут неожиданно для себя я увидел немецких мотоциклистов, слышны были автоматные очереди. Пришла мысль, что нас отрежут. Мы спускаемся к берегу, идем под прикрытием высокого берега по направлению к Еникале. По приказу мы должны были сосредоточиться с западной стороны причала. Когда мы дошли до этого места, то кроме стоящих здесь орудий без замков и нескольких старых тракторов ЧТЗС-60 никого не было. Двое моих мастеров остались у причала, я пошел на верх, чтобы хоть кого-то разы-

скать. Неподалеку от маяка, возле которого стояли две зенитные пушки с несколькими морячками, которые не спеша вели огонь в сторону противника. Вот здесь я наткнулся на старшего лейтенанта Стогния с шофером Бочкаревым Александром и медсестрой Надей. Сидели и кушали, а возле шофера стоял баян, он умел играть и на одной из брошенных машин подобрал его, надеясь с ним переправиться, присел подкрепиться, хорошо, что было у них чем. Договорились, что я еще пойду по берегу поищу своих и ушел. А когда никого не нашел – вернулся на это место, их тоже не оказалось. Я быстро к причалу, но от него отчаливает небольшой балиндер. А народа возле причала столько, что когда отчалил балиндер, то стеной солдаты падали в воду, кто умел плавать – выбирался, а такие, как я, выросшие в степи, уходили на дно и никто не обращал внимания. Я опять поднимаюсь по ущелью наверх. Вдруг почти рядом заиграл духовой оркестр, заиграл «Интернационал». На возвышенность выскочил батальонный комиссар и крикнул: «Товарищи бойцы и командиры, все, кому дорога наша Родина и честь нашей Родины – матери, вперед за мной, за Родину, за Сталина, помрем так со славою!!!». И поднялся наш измученный солдат во весь рост, кто с чем, у кого что было в руках, а большинство с голыми руками. Такое я видел впервые. Вокруг себя видел, как все нарастал и нарастал вал человеческих фигур. Я бежал, а в ушах все громче и громче, нарастающе слышались слова: «Вставай, проклятьем заклеянный. Вставай, страна огромная». Вдруг я обо что-то споткнулся, глянул под ноги – карабин. Хватаю его на перевес и вижу, что он без затвора, теперь вспоминаю, что у меня на боку в кобуре пистолет. Лавина людская выносится на возвышенность, справа показался маяк, перед нами открывается пологий покат, а в низменности появляются вспышки и тут же фыркание и взрывы, все плотней и плотней вспышки и взрывы. Почувствовал, как всего обдало жаром. Даже сейчас не было у меня такого, чтобы я подумал как в Одессе.

Услышал взрыв, значит жив, но когда я поднялся как по-

сле сна, то прежде всего я на губах ощутил прилипший песок, когда протёр рукой по руке-оказалась запёкшаяся кровь. Вокруг никого живого и тишина. Оглядевшись вокруг, впереди себя, увидел пистолет, поднял, оказался моим. Потом обратил внимание на лежащего рядом со мной человека без гимнастёрки. За ним примерно метрах в двух маленькая воронка от противопехотной мины. Тогда я понял, что остался жив потому, что этот солдат прикрыл меня своим телом. Я решил хотя бы узнать кому я обязан своей жизнью. Перевернул его, поискал в кармашке медальон, но его не было.

Вправо, метрах в пятистах, синело Азовское море. И мне ничего не оставалось делать, как идти к морю, на берег. А вокруг стояла такая тишина... Солнце скатилось уже далеко за полдень, у меня появилось такое чувство, что мне казалось нигде уже никого нет. Подхожу к берегу, спрыгиваю с метрового склона, во рту пересохло. Подхожу к воде, набираю пригорошню горько-солёной воды, прополаскиваю рот и обмываю лицо и теперь только замечаю, что на пальце правой руки отвисает небольшой кусочек кожи. Поднимаюсь, поворачиваюсь от воды, вдруг слышу голос: «Товарищ комиссар, а вот наш лейтенант». Смотрю, а это Базаров Миша, ординарец нашего комиссара Чудина. Миша по национальности узбек, а почему его звали Мишей, так и не знаю. Потом слышу кто-то зовёт меня, смотрю и не верю своим глазам: под уступом берега, в тени, лежит комиссар. Подхожу к нему, перед ним лежит связанный из досок треугольник и две накачанные воздухом камеры с автомашинных колёс. Комиссар спрашивает: «Ты своих кого-нибудь видел? Так вот есть приказ командования переправляться любыми средствами и сбор в станице Запорожской. Ты уже думал, как переправляться?» Я говорю: «Пока ещё не успел подумать». «А где ты был, твой начальник мастерских докладывал, что ты пропал неизвестно где», - спросил он. Тогда я ему рассказал, где он меня оставил, что я видел Стогния и где с ним расстался. Рассказал откуда я сейчас пришёл. «А положение ,знаешь, в каком мы сейчас находимся?» Я

говору: «Вижу в каком, но может не всё знаю». «Так вот, - говорит он, - немца отогнали на пять километров, вон там, видишь, выступает мыс в Азовском море на этой возвышенности немцы, они оттуда и ведут артогонь по проливу» и повёл рукой в сторону входящей косы в пролив. От косы и к косе сновали небольшие судёнышки, перевозившие нашего брата.

По проливу было много больших и малых точек, это плоты из кузовов автомашин, с подвязанными пустыми железными бочками из под масла и бензина или просто связанных из отдельных досок или вовсе отдельный человек с камерой. Когда я всмотрелся и вдумался в ужасное положение, я не знал, что же мне предпринимать, если я, выросший в казахской степи, не умел плавать. А все эти точки как жетсы стояли на месте. Особенно стало жутко на душе, когда на наших глазах попал немецкий снаряд в кузов уже недалеко от косы, поднялся столб воды, и ничего не осталось. Так мы молча стояли и смотрели в ту сторону куда и нам предстояло как-то добираться. Вдруг слышим кто-то зовёт комиссара. Мы ничего не успели сообразить, но комиссар наш убежал, я даже сейчас не могу понять почему мы с Мишей остались, или потому что комиссар молча убежал, но мы остались. Теперь я начал соображать, что же делать. Угольник из досок имеет три угла, А камер у нас две. Стоим размышляем и смотрим вслед убежавшему комиссару с позвавшим его человеком. Спрашиваю Мишу: «Ты плавать умеешь?» «Нет», - говорит он. Многие раздевались, рискуя переплыть пролив, но нам не было необходимости раздеваться. На берегу валялось много всяких досок и даже вёсла, сделанные из досок, которых уже море выбрасывало. И мы начали готовиться соорудить плотик, как вдруг подходит к нам человек, по виду он постарше нас, У него тоже накаченная камера, раздетый до подштаников, обмундированные и сапоги, связанные обмоткой в узел, документы в стеклянной фляжке, которая висит на шее. Кто он по званию неизвестно, но чувствуется по его разговорам, что не маленького звания. Постоял, посмотрел что мы гордим и говорит:

«Давайте сделаем плот на троих и поплывём, вы же умеете плавать?» Я быстрее, чтобы опередить Мишку отвечаю: «Конечно, умеем». Миша мой, видимо понял, промолчал. И наш новый партнёр сказал: «Я с морским делом знаком, так что через час мы будем на том берегу». Мы быстро привязали по углам плота три камеры. Заходим в воду, садимся по углам. Мы с Мишей на вёслах, наш партнёр за рулём правит, и мы быстро оставили берег.

Течение из Азовского в Чёрное море могло нас снести, и мы могли не попасть на среднюю косу, откуда людей подбিরали катера. Поэтому нужно было направлять против течения. Но там как раз и обстреливает немецкая артиллерия. И вот это и подействовало на нашего рулевого. Невольно курс изменился, и нас течением стало быстро проносить мимо косы. Наш рулевой говорит: «Прыгаем в воду и поплыли». Я отвечаю: «Нет, мы не можем плавать». Наш друг побледнел: «Зачем вы меня обманули! Тогда я вас бросаю!» Я хватаю из кобуры пистолет и говорю: «Тогда на дно ты пойдёшь первым, ты же понимаешь, что мы на треугольнике». Он опустил глаза и тихо проговорил: «Да-да, я не прав». Я опять ложу пистолет, закрываю кобуру. Он вдруг успокоился и говорит: «Тогда надо приподниматься и сильно грести». Я ничего не успел сообразить, как он поднимает ногу, встаёт на мою сторону, и ... я вижу песчаное дно моря, потом я, по-видимому, перевернулся вверх головой, потому что срывается пилотка с головы. Я обеими руками обхватываю, прижимаю пилотку к голове и в это время проскакиваю в свою же камеру, только теперь она поверх угольника. Я раскидываю руки и я наверху, действительно, говорят, что утопающий за соломинку хватается, на себе испытал, как в сказке. Миша мой схватил за руку и не отпускал. Когда я уселся на угольник тогда только отпустил, спрашиваю, как он удержался. Он отвечает: «Сам не знаю как, но у нас теперь не осталось ни одного весла». Начали грести руками, но коса наша заветная осталась сзади. Впереди по направлению к Чёрному морю виднеется конец Ильичёвской косы и, не доходя до неё, стоит на мели приличной величины ко-

рибль, подбитый и накрённый. Поразмыслив, вслух говорю, что теперь наше спасение только на нём. Не может быть, чтобы там не подбирали таких как мы «мореплавателей».

Теперь уже наш коллега, «кое-что понимающий в морских делах», молча гребёт руками и ногами. Оказалось, этот путь не так близок, как нам показалось, и когда мы стали подплывать к этому спасательному «причалу» – пароходу, совсем стемнело. Пароход носом стоял к нам, которым разрывал течение, и мы не можем к нему приблизиться. Слышим вроде бубанит дизель, мы один перед другим, кто громче стали кричать, и вдруг кто-то кричит: «Я вас вижу! Прдержитесь минутку». Нашему восторгу не было предела. Смотрим от борта большого корабля разворачивается и подходит прямо к нам балиндер, у которого борт метра три высотой, мелькнуло в голове «а как же забраться». Слышим с борта: «Осторожно, ловите канат». Я оказался от борта дальше их обоих. Канат падает ко мне, ударяет по спине, я кзмахом рук обхватываю его так, что оторвут только на корабле. К плоту у нас были привязаны моя полевая сумка, которая сейчас находится в Павлодарском краеведческом музее, комиссарова планшетка, которая почему-то оказалась у Миши. Пока мы возились с ними, наш попутчик, как кошка, по канату выбрался на палубу, потом Миша ближе к борту забрался, и последним я крикнул «тяните». Уцепился обеими руками, развернулся к борту спиной и поволокли меня два морячка, подхватили под руки, ставят на ноги, а у меня их свело. Затащили меня вниз, посадили к дизелю, тут горела копилка, смотрю – мой Миша, видно следом шёл, тут же появился. Я знал, что у него в кармане чекушка водки была, он сам говорил, как выйдем с воды есть, чем погреться. Говорю ему: «Миша, давай погреемся». Он так смущённо говорит: «Товарищ лейтенант, я в благодарность отдал морячку, который помог мне подняться». «Вот и погрелись», - протянул я. Вдруг морячок – машинист побежал вверх и тут же идёт и несёт две кружки, подаёт мне, я выпил, он подаёт другую, я говорю: «Мише подай кружку, за ней». А я был в таком застывшем состоянии, что и не понял,

что это был спирт. Морячок из-под мышки берёт полбулки чёрного наливного хлеба, подаёт. Сам побежал наверх, приносит порцию и Мише. Ах, какой это был вкусный хлеб, прошло пятьдесят лет, а такого вкусного хлеба я так и не встречал. Уже мы съели эти полбулки, отогрелись. Смотрим, по лестнице шагают босые и голые ноги, потом на свет появляется в одних подштанниках наш коллега по несчастью, подходит поближе разглядывает. «А, вот вы где», - говорит. Я спрашиваю: «Ты чего голый?» Он отвечает: «Одежда моя осталась с плотом. Обрадовался и забыл, что она привязана к плоту"» И опять мотористу пришлось выручать третьего: притащил ему брюки, чуть ниже колен, и такую же старую гимнастёрку. В скорости мы уснули, тут же в тепле. Разбудил нас толчок нашего балиндера о причал, быстро начали выходить с палубы на причал, пока мы шли, там уже команда строится. На улице темно, идём в хвосте колонны, останавливает морячок, спрашивает: «У вас оружие есть? Если есть, спрячьте». Я вынимаю пистолет, опускаю за голенище сапога, благо, что голенище на две ноги, спрашиваю его, где мы. Он говорит, что это Тамань. Ну а мы с Тамани грузились, в Тамане стояли. Построили нас, прошёл лейтенант, а с ним этот морячок. У кого было оружие - отобрали, подходят ко мне, я думаю ну всё. Спросил лейтенант: «Где пистолет?» Я отвечаю: «В Крыму остался, там их много», - говорю. Он глянул, ранги-то у нас одинаковые: «Ну ладно, не остри», - буркнул, и ушли. Я так и до сих пор не пойму, почему морячок помог мне спасти пистолет. И вот нас вывели на улицу и повели куда нам неизвестно, он же, лейтенант, сказал, что пойдём на обогревательный пункт. Шли мы самыми последними, понемногу отставали и вот дом, в котором жил комиссар, А Миша был у него связным и ординарцем. Мы сворачиваем во двор, постучали. Хозяйка-старушка открывает дверь, и мы попали в уют и тишину. Хозяйка, увидев нас мокрых, грязных и измученных, всплакнула, покормила, постелила постели. Заставила раздеться до трусов. Какой это был сон блаженный. Проснулись под лучами солнца, а перед кроватями, сложенное

стопкой на табуретках обмундирование, документы и деньги и мои карманные часы. Я сразу взял часы, но они стоят, завожу, стоят. Открываю заднюю крышку, там сырость и уже поржавевшие оськи шестерёнок. Позавтракали, поблагодарили, попрощавшись с хозяйкой ушли. Решили сходить на этот обогревательный пункт, узнать что-нибудь о нашем полке. Но мы слышали, что на этом пункте собирали, обогревали, формировали. И опять готовили к отправке. Ну решили, что будет, то будет. Вхожу к начальнику пункта, майору по званию. Обращаюсь и объясняю, он так добродушно отвечает: «Я выписал вашим на семьдесят человек продукты, идите на склад». Рассказал куда и действительно, не доходя до склада, встречаем старшину штабной батареи и несколько солдат с плащ-палатками, с продуктами на плечах.

Приходим в расположение батареи, там оказывается начальник штаба, капитан Заколичный, тот самый комиссар Чудин. Теперь он говорит: «А чего вы не побежали за мной?» Я ответил: «Что теперь говорить, всё прошло».

К обеду все мы приехали на попутных машинах в станицу Запорожская, я побежал к дому, где стояло моё подразделение. Возле дома была дочка хозяев, лет двенадцати, увидела меня и убежала к соседям. Вижу, бегут она и мать, со слезами и вроде обрадованная. Прибежала, обняла и говорит: «Были ваши ребята (почти всех перечислила): и Алёшка, и Петька, и говорили, что видели тебя убитым». Я говорю: «Не может быть». «Да, да кто-то сказал, что видел». И сообщила она, что было много с полка, все ушли на Варениковскую станицу. Узнав об этом, мы все на попутных машинах, часа через три были в станице Варениковская. Разыскал я своих, все они так же обрадовались, как и я встрече, но троих, вновь прибывших – начальника артмастерских, из запасников, радиотехника Дронова и ещё одного мастера по связи, они прибыли к нам перед наступлением немцев, не оказалось. А от всего полка собралось около семидесяти процентов. Весь этот состав был отправлен в станицу Усть-Мабинскую на формирование. Находясь в станице Вареников-

ской, на второй день я решил отремонтировать часы, пошёл в мастерскую, мастер посмотрел на них и говорит: «В том, что они будут идти я гарантии не могу дать, сколько они стоят?» Я говорю: «220 рублей». «Вот тебе 250 рублей, без забот и хлопот тебе». – сказал он. Я взял деньги и пошёл обратно, вдруг передо мной останавливается мужчина, поднимаю глаза, а это отец моей знакомой девушки, которую я увозил к переправе. Оказывается, он сумел переправить семью и завернул меня, повёл к своей семье, которая находилась на краю станицы. Расположившись в сарае хозяина двора, они меня встретили, как родного. Я узнал от них адрес, где можно будет их искать. На этом расстались на годы. В станице Усть-Лабинская мы получили новые орудия, сперва как опять перебросили к Керченскому полуострову, А через несколько дней погрузили в поезда и разгрузили на станции Целинной, откуда стутбекерами подбросили к Дону, поставили на огневые позиции, и стутбекера уехали.

Пока мы собирали трактора, старьё по МТС, немец форсировал в нескольких местах Дон, и наш полк, как это было в Крыму, опять раздвоили. Один дивизион ушёл под Сталинград, другой на Кавказ. Так я со своим подразделением ещё без начальника мастерской на должности ВРИО оказался с одной батареей и штабами полка и дивизионов в городе Орджоникидзе. Потом Грозный и Гудермес, уже в составе 1230 артполка РКК, уже в должности начальника артмастерских и в звании старшего лейтенанта. Отсюда в январе 1943 года пошли в наступление. На голубой линии наше наступление приостановилось. Командовали полком всё те же командиры, несмотря на то, что номер полка был другой, командиром полка – теперь уже подполковник Тарасов, начальником штаба – уже майор Заколичный В.И., начальником артснабжения – майор Стогний Константин. Полк подчинялся Северокавказскому фронту. На этом фронте полк перебрасывался то в одну, то в другую армию, то нас бросали под Крымскую, то в горы под Новороссийск. Всю оставшуюся зиму, весну и лето шли переменные бои, и одновременно шла подготовка к генеральному наступлению. Прово-

дилась учеба кратковременная офицеров, дошла очередь до меня, я ведь кроме полковой школы ничего не кончал. И вот в июле – месяце вызывают меня в штаб, дают командировку в Армавир на десятидневные курсы – семинар. Путь движения мой проходит рядом с той станцией, где живут родители моей знакомой девушки, и я решаюсь заехать к ним. Конечно, никто не думал, что я приеду. Жилось им очень трудно. Но зато, несмотря ни на что, что еще войне не видно конца, мы решили стать мужем и женой. Родители наше решение давно поддерживали. Отца ее, Мерного Алексея Яковлевича, уже дома не было, он ушел на фронт сразу после эвакуации.

На курсах повышения я не был до срока, срочно меня вызвали в часть. На нашем участке фронта в районе станиц Абинской и Крымской противник предпринял наступление и в течение одного дня 36 орудий вышло из строя одиннадцать, а четыре из них стали совсем непригодными. Оставшийся арттехник из бывших политработников за меня не знал, что с ними делать, поэтому меня вызвали. Семь орудий удалось восстановить, а четыре пришлось комплектовать из брошенных при отходе наших береговых частей, которые я случайно обнаружил в горах под Новороссийском. Они были совершенно новые и нашей системы, но со сброшенными стволами и подорванными станинами. Вот пришлось с помощью лебедки скомплектовать эти 4 орудия. Когда закончили с ремонтом, я отправился на огневые, позвонил начальнику штаба майору Заколичному В.И. и доложил об этом. Он сказал спасибо и добавил: «Представь к награде мастеров и готовь дырочку в гимнастерке». И скоро я и старший артмастер Воронкин Алексей получили ордена Красной Звезды и мастер Улиткин Петр получил медаль за боевые заслуги. Начальник артснабжения капитан Стогний Константин Игнатьевич получил орден Отечественной войны 2 степени. В этих боях хоть немец и потрепал немного наши войска, но ни на шаг не прорвал нашей обороны. Скоро поступил приказ командования армии нашему командованию передать свой полк в состав формирующейся брига-

ды, а штабу, с правом подбора себе комсостава и специалистов, принять в горах под Новороссийском 1169 армейский артиллерийский полк, где я со своим составом кроме арт-техника – политработника мастерских за исключением тех специальностей мастеров, которые у нас были. Это была тоже подготовка войск перед генеральным наступлением. Отсюда мы поддерживали высадку десанта на малую землю, отсюда же уничтожали живую силу и технические боевые средства, которые устремились через «волчьи ворота» к Анапе. На третий день боев, а вернее, нашего натиска, враг не выдержал и побежал. После разгрома немецких войск на Таманском полуострове наш полк занял огневые позиции на Ильичевской косе Песчаная, которая от Ильичевки уходит в пролив километров на 12 или больше. На эту косу мы в 1942 году и плыли на плоту, но не попали, а сейчас отсюда готовимся вести артподготовки по Крымскому берегу, чтобы обеспечить высадку десанта.

Где-то в ноябре, я сейчас точно не помню, но плацдарм был удачно взят, отсюда с косы на баржах переправили и наш полк тоже удачно и в районе заняли огневые позиции. Я с несколькими мастерами переправился, а здесь, в Ильичевке, оставались склады и наша передвижная мастерская. После проверки готовности орудий, проверки их прицельных линий, нам еще следовало оборудовать себе землянки для жилья и капонир, чтобы укрыть мастерскую. Яму для землянки вырыли, накрыть не успели, да и пока нечем было. Переночевать пошли к соседям в техчасть. Ночью проснулись от сильных взрывов. Оказалось, ночью налетели бомбардировщики и сбросили бомбы. В этом районе были врыты глубоко под землей землянки штаба армии, и немцы их бомбили. Когда мы пришли утром к своей землянке, чтобы накрыть ее, то увидели, что этого сделать невозможно. В нее попала, наверное, фугасная бомба и она стала метра на полтора глубже и в три раза шире. Вторая воронка находилась от нее метрах в тридцати. По теории вероятности говорят, что в одну и ту же воронку не попадает снаряд или бомба, и мы решаем, что в меньшей воронке делаем себе жилье,

и в большей – делаем съезд для машины – мастерской капо-пир. И, между прочим, теория вероятности оправдалась. Сколько после этого еще нас бомбили фашисты до апреля 1944 года. Обошлось все благополучно.

Через пару дней звонит начальник штаба. Говорит, что можно ехать в Ильичевку и гнать машину к переправе, там есть указание на отгрузку и переправку машины, там, говорит, у начальника переправы есть приказ. Я тут же спускаюсь к переправе, сажусь на санитарный катер первопопавшийся, переправляюсь на косу попутной машиной, приезжаю в Ильичевку. А мой шофер Кузьма Степанович Иванов и еще два сержанта мастера радио- и телефонной связи уже ожидали сидеть без дела, целыми днями скучают. Быстро собираемся и поехали, километров пять проехали, вдруг стучат в будке, останавливаемся, иду назад, а там дверь открыта. Сержант мой хохочет и показывает: «Вон кот наш убежал, не хочет в Крым, а мышей сколько выскочило». В тот год на Кубани столько много было мышей, что кот их уже не ловил, а будка была с двойной обшивкой, и в стенках появились мыши. Я слышал, что если крысы убегают с корабля, стоящего у причала, то это признак, что этот корабль потерпит крушение. Правда это или нет – не знаю. Но я промолчал, и поехали дальше.

Подъезжаем к переправе, как по заказу успеваем на грузившийся паром, и буксир, небольшой катер, нас потащил, направился прямо на Еникалейскую переправу. Где-то уже на середине кто-то кричит: «Мина, мина!». А на буксире моряки видно ее видели, кричат оттуда: «Спокойно, спокойно! Она вас не тронет, наш плот проходит от нее метрах в десяти, она стоит на месте, до половины погруженная в воду». По-видимому, немцы не рассчитали глубину подвески. Вскоре и наш буксир пошел на заход к причалу, но вдруг с шипением плюхнулся в воду снаряд, поднялся столб воды с глухим взрывом недалеко впереди левого понтона метрах в десяти – двенадцати, пока буксир сделал заход и стал подходить к причалу, на плоту поднялся шум, плот кренился. Наверное, пробило понтон, но понтоны уже приставали к при-

чалу. Когда выехали на берег и поехали к своему месту дислокации, я стал рассказывать о своем душевном переживании, когда кот и мыши убежали с машины, как крысы с тонущего корабля. Только никому не сказал об этом, а шофер Кузьма Степанович ответил: «А мы, думаешь, не переживали, но все равно, все-таки не без происшествий». Снаряд-то прилетел и понтон повредил, а если бы это было на середине пролива? За период нашего пребывания еще случилось следующее, после чего я уже уверовал в то, что меня охраняет судьба, и даже в письмах жене своей Паше писал с уверенностью слова из стихотворения: «Жди меня и я вернусь, только очень жди». А было так: нужно было в отделе артиллерии выписать измерительные приборы и оптику. Сразу же дали задание и доверенности выписать боеприпасы, а штаб армии находился в городе Тимрюке. Я переправился на косу, там, как всегда, на попутную машину, которые ходили с боеприпасами непрерывно. Часа через два был в штабе армии, выписал все, приезжаю обратно, подъезжаю к переправе. Там стоит паром, нагружен четырьмя студебеккерами, за которыми прицеплена 76 мм пушка с полной обслугой, и буксир дал сигнал отплытия. Я бегу быстрее, чтобы попасть на него, добегаю, но паром уже отделился от причала на полметра примерно. Можно было всего-навсего шагнуть – и на палубе, но меня, как будто, кто за плечи схватил. У самой кромки я остановился, стоявшие там солдаты закричали: «Давай, давай!». Но я как вкопанный стоял и смотрел им вслед. Вдруг возле меня останавливается старший лейтенант незнакомый и говорит: «Тьфу, чертовщина, не успел, а ты что? Тоже?». Я отвечаю, что меня как будто кто-то остановил, даже вроде на плече почувствовал задержку. Он хохотнул и говорит: «Наверное, струсил прыгнуть». Ну и стоим, разговариваем. Паром, буксирный катером, так быстро пошел. Этот мой коллега стоял лицом к морю и говорит: «Ты смотри, как быстро, уже на середине, не повезло....», И замолчал, слышу сильный глухой взрыв. Видя его с расширенными глазами с застывшим раскрытым ртом, я поворачиваюсь назад и вижу опадающий

столб воды и сильно накрёвленную платформу, а через несколько минут ушли в воду машины с пушками. Видно было как катер, буксирующий этот плот, развернулся и подбирал людей и тревожно подавал сигнал бедствия. К месту катастрофы подворачивали другие катера на помощь. Мы стояли, молча смотрели с ужасом на происходящее и, наверно, и мой сосед думал тоже, что и я: «Какая же это сила есть в природе, чтобы так играть судьбами людей. Одних собрать вместе, чтобы постигли их такие испытания, других удержать и отвести от этих испытаний и даже гибели». Добрались мы со старшим лейтенантом на санитарном катере, который доставил раненных сюда, в свои подразделения. Как случайно сошлись, так же на другом берегу разошлись, даже не познакомившись.

Положение на передовой линии нашей приморской армии стабилизировалось, бои, как говорилось, проходили местного значения. По всему было видно, что наше командование армии накапливало силы для решительного удара.

Четырёхкилометровый пролив был основной дорогой, по которой велось снабжение армии и накопление новых сил. Противник это понимал, усиливались ночные бомбардировки причалов. Под этим прикрытием из самолетов минировали пролив. И хотя рано утром проходили наши тральщики, подрывали и расстреливали эти мины, все же подрывались наши, как тот паром с артиллерийской батареей. Наши ночные бомбардировщики маленькие сами по себе, Это были ИО-2 и АН-2, на которых летали наши Маши, Катюши, Люси и Наташи. Громкое слово «бомбардировщики» они оправдывали. Они бросали всего по две бомбы и в придачу (еще десять) еще бросали небольшие мины, а летали они в темноте над головами. Бывает летят над нами, увидят где-нибудь огонек, снизятся и кричат: «Вы что демаскируетесь?». А мотор чуть слышно лопочет. Мы удивлялись их умению летать тихо. Фашисты тоже летали. И ночью тоже. Обрасывали противопехотные мины. Утром мы находили их: смотрим, валяются «Бабочки» – цилиндрической формы с двумя крылышками – растяжками. Зацепишь за та-

кую.... И взлетишь. Был такой случай. Как-то вызывают нас 5 или 6 апреля в штаб. Идем четверо: начальник артснабжения майор Константин Игнатьевич Стогний, начальник арtpарка капитан Тилицин Владимир Петрович, начальник продснаба капитан Телегин (жаль, запомнил его имя) и я. Мы с майором Стогнием впереди. Наши товарищи чуть в стороне, позади. Идем, разговариваем. Вдруг взрыв. Оглядываемся, а Телегин и Тилицин на земле лежат.

- Что случилось? – спрашиваем.

Капитан Тилицин, улыбаясь сквозь боль, проговорил: «Да вот лежала тут хлопушка, я ее ногой откинул, а она и ответила...»

На взрыв прибежали солдаты, унесли раненных, Когда мы пришли в штаб, там уже знали о происшедшем. Пожурили нас, а вскоре стало не до этого. Наша Приморская армия 10 апреля перешла в наступление. Фашисты побежали, не оказывая серьезного сопротивления. Все их три рубежа обороны были буквально сметены ураганным огнем нашей артиллерии. Настал час расплаты. Через 4 дня мы уже были под Севастополем. Шли со стороны Ялты. Фашисты укрепили гору, считая что нам их не выбить и Севастополь не взять. Там было столько дзотов и дотов! И каждый наши артиллеристы буквально выковыривали бронебойными снарядами. В ход шли и фугасные. Два дня, 8 и 9 мая, шел штурм. Более 56 тысяч немцев попали в плен. А сколько погибло! Немало полегло и наших солдатиков. Сейчас вот все обвиняют сталинский режим за репрессии .... Возможно, что это и правильно. Но мне, фронтовику, известно и другое. Взять тех же татар крымских, чеченцев. Ведь многие из них убивали наших ребят, издеваясь похлеще фашистиков. Сколько мы видели отрезанных голов, висящих на деревьях в Крыму под Севастополем! Я сам лично, со своими бойцами, однажды утром снимал с дерева повешенного нашего офицера. А на Кавказе, в селе Верхние Ачелуки, однажды остановили повозку, на которых бойцы подвозили продукты и боеприпасы, в которой лежал зарезанный солдат. На груди торчал из раны листок бумаги, на котором корявым

почерком были выведены слова: «Так с вами, гады, со всеми будет!»! А теперь говорим о реабилитации... Ну, ладно, я что-то отвлекся. Закончили с противником в горах, расположились на отдых. А тут приказ: принять такой-то полк и сформировать 155 армейскую Краснознаменную, ордена Ленина, ордена Суворова Новороссийско-Севастопольскую пушечную артиллерийскую бригаду. На это отвели всего две недели. А потом погрузка в эшелоны и вперед, на Украинский фронт. Помню станцию с интересным названием Пятихатка. Там мы стояли каких-то пару часов. Солдаты получили обед, несут его к нашему вагону. Слышу кто-то зовет меня... Я вышел из вагона, спрыгнул на землю и оказался в объятиях капитана Тилицына. Я спрашиваю – как он, в ответ: «Нормально, вот снова на фронт». «А где Телегин?»

- Он отвоевался, - грустно произнес Тилицын, - ему ампутировали ногу...

Пообедали мы с ним вместе, повспоминали, а он все сокрушается: «Не могу себе простить – зачем я эту «бабочку» тронул. Теперь за версту буду обходить».

Больше мы с ним не встретились, и я не знаю, жив он, или нет. Мы же в начале июля уже были на первом Украинском фронте. В это время 37 Армия пополнялась новыми боковыми частями. Шла интенсивная подготовка к наступлению. Близился час окончательного освобождения нашей земли от врага. Бойцы рвались в бой. Но всему был свой час... Как-то вызывают нас, несколько человек, начальник политотдела бригады подполковник Черненко. Командный пункт находился в буковом лесу. В тени раскидистого векового дуба стоял стол, покрытый красным сукном. За ним сидели наш начальник политотдела и два представителя политотдела Армии. Здесь нам вручили партбилеты, хотя в Коммунистическую партию большевиков мы были приняты еще в Крыму.

На всем протяжении фронта стояло затишье. Но мы все чувствовали, что вот-вот начнется. Фашисты это тоже чувствовали. Над нами то и дело пролетала их «рама» – самолет разведчик. Но ее тут же угоняли наши юркие «ястребки»,

наливаем полные баки этилового спирта в бочки и вперед! А на дорогах наши указатели. Значит – бригада впереди. К вечеру нагнали свои тылы. А за Одером немецкий город Олау, в нем фашисты. Наши дивизионы заняли позиции, а утром заговорила артиллерия. Фашистики не выдерживают мощной атаки танков и нашей пехоты. Бегут в город Бреслау, до которого без малого тридцать километров. Мы идем следом, поддерживая пехоту огнем своих пушек. Но штурмом Бреслау не стали брать: командование решило, что фашисты и без того сдадутся. Войска окружили город Бреслау, ожидая когда фашисты выбросят белый флаг. Часть войск, в том числе и нашу бригаду, перебрасывают под город Штреллен. Оттуда готовился удар на Берлин. Но на подступах к южной окраине Берлина наш Украинский фронт вдруг неожиданно поворачивается и с ходу идет на Дрезден. 7 мая мы уже были под стенами, но поступает приказ – не стрелять. Стало известно, что ведутся переговоры. И вот рано утром 8 мая мы вошли в город без единого выстрела. Все уже чувствовали, что войне приходит конец. На городской ратуше развивался белый флаг. Подошли походные кухни, и мы приступили к завтраку. Как вдруг из стоявшей недалеко автомашины связи раздается из динамика голос: на ломанном русском языке неизвестный чех обращается ко всем русским.

- Говорит злата Прага! Наздар Руда Армада! Просим помощи. Народ Праги восстал, льется кровь, просим русских помочь.... Немецкие войска и власовцы хотят залить Прагу кровью...

Только прослушали это сообщение, как раздалась команда «По машинам!» По шоссе Дрезден – Прага мы двинулись на помощь пражанам. Хотелось бы, чтобы нынешние демократы посмотрели документальные фильмы, как встречали нас пражане! Наши танки и тракторы с пушками ехали буквально по цветам, которыми были усыпаны дороги. Цветы летали в кузова, в кабины, а стоило остановиться, как радостные и благодарные чехи тут же окружали наших ребят, обнимали и целовали нас. Мы уговаривали их, чтобы не мешали идти на помощь осажденной Праге. Видели бы они

не давая углубиться за линию фронта. Частенько случалось, что «раму» подбивали, и она, распуская шлейф дыма, уходила к себе, за горизонт. Мы радовались этому: пришел конец тому, когда фашистские стервятники чувствовали себя безнаказанными.

Шло лето 1944 года. И вот наступление. Я уже точно не помню был ли это конец июля или начало августа. Да теперь это и не так важно, главное, мы пошли в наступление. Погнали поганого фрица со своей земли. Наступали в направлении Львова. Фашисты уже просто не выдерживали нашего натиска, оставляли рубеж за рубежом. Вот уже и Львов остался позади. Остановились мы уже за рекой Висла, заняв польский город Сандомир. На Вислинском плацдарме пришлось отбивать лобовую атаку фашистских «Тигров». Мы уже знали, что у них лобовая броня 210 миллиметров, и их не так-то просто было подбить. А тут еще запаздывала наша подвозка снарядов, на каждую пушку у нас было всего по 3-5 снарядов. Но все равно фашисты не прошли. Наши артиллеристы сумели нащупать их уязвимые места и вскоре 8 хваленых «Тигров» из двенадцати уже дымили на поле боя. Оставшиеся повернули назад... Больше немцы не предпринимали атак. Мы в наступление тоже не шли: тылы отстали. Мешала грязь, разбитые мосты, автотрассы. Здесь мы простояли до 12 января 1945 года, пока все подтянули, дополнили вооружение и т.д. А тут погода решила преподнести нам сюрприз: поднялся ветер, ударил мороз, завывла метель. Непогода длилась долгих три дня, но мы все равно продвигались вперед. Правда, часто останавливались: бензовозы за нами не поспевали. Помню, однажды простояли целую неделю в одной польской деревеньке. Кончились продукты, и мы пошли в управу. Поляки не отказали, помогли всем, чем могли. А бригада уже была у реки Одер. Немецкая земля... В нашу часть привезли, наконец-то, бензин. Даже дали про запас по одной канистре. Маршрут мы знали. Благополучно добрались до городка на границе Германии. По пути натыкаемся на завод по выработке этилового спирта. Осмотрелись, вокруг никого. Тогда открываем цистерну,

наливаем полные баки этилового спирта в бочки и вперед! А на дорогах наши указатели. Значит – бригада впереди. К вечеру нагнали свои тылы. А за Одером немецкий город Олау, в нем фашисты. Наши дивизионы заняли позиции, а утром заговорила артиллерия. Фашистики не выдерживают мощной атаки танков и нашей пехоты. Бегут в город Бреслау, до которого без малого тридцать километров. Мы идем следом, поддерживая пехоту огнем своих пушек. Но штурмом Бреслау не стали брать: командование решило, что фашисты и без того сдадутся. Войска окружили город Бреслау, ожидая когда фашисты выбросят белый флаг. Часть войск, в том числе и нашу бригаду, перебрасывают под город Штреллен. Оттуда готовился удар на Берлин. Но на подступах к южной окраине Берлина наш Украинский фронт вдруг неожиданно поворачивается и с ходу идет на Дрезден. 7 мая мы уже были под стенами, но поступает приказ – не стрелять. Стало известно, что ведутся переговоры. И вот рано утром 8 мая мы вошли в город без единого выстрела. Все уже чувствовали, что войне приходит конец. На городской ратуше развился белый флаг. Подошли походные кухни, и мы приступили к завтраку. Как вдруг из стоявшей недалеко автомашины связи раздается из динамика голос: на ломанном русском языке неизвестный чех обращается ко всем русским.

- Говорит злата Прага! Наздар Руда Армада! Просим помощи. Народ Праги восстал, льется кровь, просим русских помочь.... Немецкие войска и власовцы хотят залить Прагу кровью...

Только прослушали это сообщение, как раздалась команда «По машинам!» По шоссе Дрезден – Прага мы двинулись на помощь пражанам. Хотелось бы, чтобы нынешние демократы посмотрели документальные фильмы, как встречали нас пражане! Наши танки и тракторы с пушками ехали буквально по цветам, которыми были усыпаны дороги. Цветы летели в кузова, в кабины, а стоило остановиться, как радостные и благодарные чехи тут же окружали наших ребят, обнимали и целовали нас. Мы уговаривали их, чтобы не мешали идти на помощь осажденной Праге. Видели бы они

это! А то говорят «советские оккупанты»! Это для меня никогда не забудется.

Победу мы праздновали уже 12 мая, когда были уничтожены все оставшиеся в лесах недобитые фашистские группировки. Мы стояли тогда в 40 км от Праги в г. Кролупы на реке Влава. В каждом подразделении проводились собрания, вручались отличившимся бойцам и офицерам ценные подарки – часы, фотоаппараты, муз. инструменты... Радости нашей не было границ. С этого дня для нас настали мирные будни. Начались занятия по боевой и политической подготовке. «Старики» демобилизовывались, как раз мой возраст. Я прошел по дорогам войны почти три года: начал ст. сержантом, а войну закончил капитаном. Долгих семь лет я не был дома, как говорится, без выходных и отпусковых. С надеждой пошел к комбригу генерал-майору Кузьмину С.Е.

- Так, мол, и так, 7 лет не был дома, хочу в отпуск...

Комбриг внимательно выслушал, а потом и говорит: «Поедешь, но вначале приведешь в полный порядок все артсистемы, чтобы как с завода. И тогда я подпишу отпуск на целый месяц».

- Есть! – козырнул я и пошел выполнять приказ. Другого выхода не было. Трудился с бойцами с утра до позднего вечера, и вот, спустя две недели, иду с докладом. Комбриг выслушал внимательно, произнес «Молодец!» и без лишних слов подписал приказ. И вот, уже на следующий день к вечеру из Праги в пассажирском поезде я еду домой. Вот граница Польши. Дальше пришлось добираться как только сможешь: где на углевозе, где на платформе. Проехал Перемышль, вот уже и Львов. Долгих полмесяца добирался до Славгорода. А отсюда на попутной подводе к своему родному дому, что в селе Павловка Успенского района. Подъезжаю и не узнаю деревеньку свою: после семи лет отсутствия, кажется, что все дома вросли в землю. Было 3 ноября. Стою я перед родной матерью, она смотрит на меня непонимающим взглядом, потом издает тяжелый вздох, и я успеваю подхватить ее обмякшее тело. Придя в себя, она только

и могла выговорить: «Сынок!». Потом стала ощупывать и поглаживать мое лицо и голову, тихо говоря, чтобы простили, что не сразу узнала... Отпуск у меня был два месяца, но дорога уже забрала полмесяца. А мне надо было еще в Крым. Там ждала меня моя Паша. Нам надо было пожениться.... И как не хотелось еще побыть дома, 12 ноября я собрался в дорогу. Погода стояла теплая, словно по заказу. Без снега. Директор МТС, где я работал до Армии, Емельян Афанасьевич Куринев, дал мне автомашину, чтобы меня отнесли к поезду в Павлодар. И вот час расставания – 12 ноября. Вышел на улицу, а там света белого не видно – такой бурище. В тридцати метрах машину не было видно. Шофер Гардер говорит, что надо спешить, пока еще летнюю дорогу не задуло. И вот через шесть долгих часов мы добрались до Павлодара. Вечером я сел в поезд. Через 10 дней я был в Крыму у своей молодой, красивой и заплаканной женушки жены. Мой приезд был для нее полной неожиданностью. Пока мы переживали нашу встречу, заходит во двор соседка и рассказывает, что с поезда какой-то военный возле их сена выпрыгнул. Видели как покатился, бедолага, по насыпи.

Конец войны. Германия

Наверное, разбился...Я ничего на это не сказал. Заходим в дом, а мой тесть с напускной строгостью спрашивает: «Не ты ли, капитан, сиганул с того поезда?».

Деваться некуда, отвечаю: «Я, конечно. Ведь поезд этот здесь не останавливается».

- Ну, слава Богу, что все нормально, - заулыбался тесть, а то по селу прошелся слух, что разбился...

У меня еще какое-то время ныло плечо, но я об этом никому не говорил. Зачем было беспокоить родных. Просто машинист мало сбавил ход, хоть я его и просил об этом. Прыгнул я, как полагается, по ходу поезда, но не удержался на насыпи и покатился. Вроде никто этого не видел, да и я никого не видел, но оказывается все же кто-то видел.... Меня еще раз пожурили и вскоре все об этом забыли. Первый послевоенный год в Крыму был тяжелый. Особенно 1945-й год! На всей Украине и в Крыму - неурожай.

Нам надо было торопиться. Пока оформили все документы в ЗАГСе о бракосочетании, потом документы и пропуска на проезд за границу. После ЗАГСа посидели немного, были добрые пожелания, но без всяких там подарков. Не то было время. Все это понимали. Мы с Пашей были рады тому, что теперь вместе. И это было главное.

Закончился ноябрь, ему на смену пришел холодный декабрь. У меня подходил к концу отпуск и надо было торопиться назад, в часть. И вот мы во Львове, подхожу к кассе. Возле нее небольшая очередь из военных. В одном из лейтенантов узнаю однополчанина. Он мне сообщил, что 5 гвардейская Армия переведена в Австрию. Так что мне надо добираться до Вены.

Закомпостировал билеты, подхожу к жене, которая оставалась в зале ожидания. А у ней тревога в глазах.

- Что случилось?

- Да вот видишь женщину с солдатом... Они тоже едут за границу, но их завернули – нет областного пропуска. С районным не пропускают.

Вот, думаю, ситуация – ведь у нас тоже районный пропуск. Но отступать не думаю, да и куда? И тут вижу двух

старших лейтенантов, стоявших со мной в очереди. Объясню им ситуацию, они тут же предлагают свою помощь.

- Не горюй, капитан, что-нибудь придумаем, - говорят заговорщики, - не такое преодолевали...

При посадке наши вагоны оказались рядом. Мы были в общем, а в другом ехали военные с семьями. Не успели мы зайти в свой, как один из моих «заговорщиков» заскакивает к нам и тихонько говорит: «У нас пусто, мы закроемся, а вы потом постучитесь – три раза, и мы вас впустим к себе». И вот ночь, поезд подходит к границе. Будет проверка. Мы быстро выходим из своего вагона: нигде ни души. Быстрее в указанную дверь. Офицеры уже ждут нас и предлагают спрятать «зайца». То есть мою жену в шкаф. Я подумал и позразил – ведь пограничники, наверняка, сразу же заглянут в шкаф, и тогда... Нет, говорю, сделаем по-другому. Вон, видите, топчан. Вот туда спрячем нашего «зайчика». Завернули Пашу в одеяло, улеглась она под топчан. Ставлю сюда же чемодан, расстегиваю шинель. Все вроде бы закрыто. Едем. Не прошло и часа, как заскрипели тормоза. В вагоне холодно, я слышу как дрожит моя любимая. Да и я уже основательно продрог. Но надо терпеть, ведь именно сейчас может произойти непредвиденное...

Поезд окончательно остановился, послышались голоса. Кому-то давались указания. Мы лежим, ждем. Вдруг распахивается дверь, и луч карманного фонарика перечеркивает наше помещение. Вошедший сразу же открыл шкафчик. Я еще больше опустил шинель вниз, а сам достаю документы. Проверяющий старший сержант смотрит их, потом осветил мое лицо и отдает документы. Козырнув на прощание, он уходит. Через минуту – другую он закончил проверку документов у моих спасителей. Что-то сказав стоявшему у двери еще одному пограничнику, они уходят. Теперь уже совсем. Но проверка идет теперь уже в другом вагоне. Ребята мои вышли покурить и потом рассказывали, что пограничники все возмущались, что не нашли никого. Уже потом, когда все осталось позади, и мы все сидели и шутили, Паша вспомнила, что тогда, когда ехали втроем в вагоне с Героем

Советского Союза, тот говорил, что с таким пропуском не пропускают. Возможно, что он их и предупредил. Но теперь уже все было позади. Мы прибыли в Перемышль, к вечеру добрались до Кракова. Ночь провели в нормальной теплой комнате. Из Кракова на маленьком пассажирском поезде прибыли до границы с Чехословакией. Вот и Братислава. Отсюда нам следовало добираться до Австрии. Нам повезло. На электричке добрались до пограничного пункта в Австрии, от которого уже до дислокации нашей 5 гвардейской Армии рукой подать. За все путешествие только здесь в этом поезде у нас проверили документы. У меня они были в полном порядке, а у жены - серпастый молоткастый. Пограничник-чех крутит его в руках и никак не поймет. Тогда я на ломаном языке объясняю ему, что она есть моя пани, жонка... Чех заулыбался и произнес: «Добже, добже, пан офицер» и отдал паспорт.

Вышли на станции, а вокруг ни души. Стоит длинный состав с открытыми дверями. Пошли вдоль вагонов, а оттуда мычанье коров, голоса людей. Заглядываем, куда бы залезть! В одном увидели женщин и двоих мужчин. Это, оказывается, был чей-то подхоз. После недолгих объяснений нас впустили в вагон. Наши попутчицы - в основном молодые женщины и девушки, угнанные фашистами в рабство. После освобождения они остались работать в организованном подхозе. На этом поезде мы добрались до моста через Дунай, а там уже и Вена. Через мост мы перешли пешком, а потом на метро (просто канава, а по ней ходит электричка), добрались до главного вокзала. Там я обратился к нашему коменданту, который и дал мне адрес нашей 5 гвардейской Армии, вернее, ее штаба. Там сам узнаешь, где твоя бригада, - добавил он на прощанье, - главное, сюда добрался.

Ночью мы уехали на поезде Вена – Санктпелътен, где находился штаб 5 гв. Армии. На нужной нам станции сошли, но до указанного расположения штаба было еще далеко. Транспорта никакого, а мы уже еле ноги переставляем. А тут чужая страна, языка мы не знаем. Правда, Паша в школе учила немецкий, это пригодилось. С трудом изъясняемся

и все же добрались до штаба. Заходим в большую комнату, смотрю, а в передней – начальник штаба бригады подполковник Заколичный Владимир Иванович. Беру под козырек, здороваюсь.

- Ты откуда? – спрашивает.

- Из отпуска, - отвечаю, вот познакомься – моя жена.

Пошли расспросы – как, мол, там, на Родине? Что нового? Как живется?...

После чего добавляет: «Ну ладно, давайте отдыхать, квартира вас уже ждет». Это нас больше всего обрадовало. Идем на его машине в небольшой городок Маутерн, на берегу Дуная. Пересекаем мост понтонный, который построили бойцы Конева (так написано на табличках, установленных у моста).

1946 г. Австрия

На противоположном берегу увидели памятник Кутузову, установленный на высокой горе. Рядом – городок Кремс. Здесь мне довелось пробыть до июля 1946 года. Места там - были красивейшие, но все равно тянуло на родину... Когда я уходил на службу, Паша оставалась со стариками – австрийцами, хозяевами дома. Большая половина которого была отдана нам. К ним частенько навевывались их дочь с двумя детьми. Как мы потом узнали, ее муж погиб в России. Отношение к нам - натянутое. Да мы и не ждали иного: мы для них были «окку-

пантами». За квартиру оплачивала воинская часть, но мы тоже доплачивали. Вскоре отношения к нам стали более теплыми. Беспокоило то, что я часто заставал Пашу в слезах: она тосковала по родным, по дому. К тому же она уже ждала нашего первенца. В короткие минуты и часы отдыха мы оба мечтали о том, как вернемся в родные края. Все это заставляло меня искать возможность быстрее демобилизоваться. Смущало одно: при возвращении на Родину надо было предъявить пропуск на себя и на жену. Мой – то был в порядке, а вот у Паши – районный. За это нарушение можно было поплатиться. Как быть? Решился написать рапорт на имя комбрига, в котором написал, что, боясь, чтобы пропуск жены не попал в чужие руки, сжег его. Вскоре я получил необходимую справку, как говорится – «без наказания». Теперь следующий этап – как демобилизоваться? Сел за рапорт комбригу полковнику Кузьмину С.Е. так, мол, и так, хочу продолжить учебу в училище, которое оставил из-за войны. Ведь образование у меня 6 классов и седьмой коридор. Получаю его назад с резолюцией: «Отказать, учиться пошлем сами». Через неделю вновь пишу рапорт. Получаю ответ с ноткой угрозы: «Пошлем учиться, не хочешь служить – заставим». Махнув на все рукой, иду с этой резолюцией к начальнику политотдела подполковнику Черненко. Выслушав меня внимательно, он говорит – ты у меня не был, езжай прямо к начальнику артиллерии армии полковнику Виноградову. Вышел из кабинета сам не свой. На службу хожу, как на каторгу. Все думаю как в штаб попасть?! Помог случай. Вызывает меня как-то начштаба и говорит: там-то и там-то стоит артполк самоходок. У них стволы нашей системы. Так вот у одной по какой-то причине не могут эту пушку из боевого положения перевести в походное. Мол, просили помочь. Вот поедешь и поможешь. Ну, наконец-то, думаю про себя - настал час. По правде сказать, я бы мог и по телефону сообщить, как перевести пушку с боевого в походное положение, но мне надо было попасть в штаб...

- Есть, - отвечаю, - поехать и помочь.

- Тебе дадут машину, продолжает начштаба, сделаешь там все и на ней назад вернешься.

Машину дали утром, как и было условленно. К месту назначения всего 25 километров. Мы туда скоро добрались. К двенадцати часам я уже все сделал. До прихода машины оставалось где-то часа три с небольшим. Не теряя ни минуты, и зашагал к начальнику артиллерии. Доложил как положено в приемной и вот я уже в кабинете. Выслушав мою просьбу, начальник артиллерии спросил:

- Жалеть не будешь?

- Нет, - отвечаю, - я все обдумал...

Тогда он нажимает на кнопку. Тотчас вошел майор.

- Соберите дело на капитана, - отдал ему приказ, составить справку на увольнение в запас. Да не забудьте сразу же выдать документ в штаб бригады для отправки в венгерский город Таты в резервный полк офицерского состава или оставить в бригаде до приказа на увольнение.

Словно на крыльях вылетел я из штаба: до прихода машины было еще часа два. Я не стал дожидаться. Побежал в самоходную часть, там сел на машину и через час уже был у Паши, бережно показывая ей документ об увольнении. Радости не было предела. Утром бегу в свой штаб. У нас как раз сменился его начальник: В.И. Заколичный уже уехал в резервный полк. Нового начштаба я еще не знал. Иду, значит, в штаб, вижу майора. Козырнул как положено и дальше слышу окрик: «Капитан, вернитесь». Возвращаюсь. «Вы что, не знаете как нужно приветствовать старших по званию?», - на повышенных нотах говорит он мне.

- Я же вас приветствовал, - отвечаю.

Он еще задал вопрос, кто я такой, и отпустил, но я уже почувствовал, что он недоволен. И вот я подаю ему бумажку, где написано, что если можно оставить до приказа на увольнение в части, если нет — то отправить в резервный полк. Прочитав, майор тут же приказал отправить меня с моим начальником Стогнием в резервный полк. Попробуете там солдатского пайка, - с ехидцей добавил майор, - посмотрим тогда, что запоют ваши жены.

- Наши жены – не пара вашим, не совсем вежливо ответил я, - все видели.

На этом и разошлись. На следующий же день за нами пошла машина, и мы вчетвером едем в Венгрию. Где-то на полпути в тени деревьев увидели машину, а рядом на зеленой траве сидит наш подполковник Заколичный со своей молодой женой Валея, у которой на руках годовалый сынишка. Останавливаемся и узнаем, что его отозвал комбриг на должность начальника штаба. Посетовали на судьбу-злодейку и расстались. К вечеру мы уже были в резервном полку г. Таты. На следующее утро увидел здесь помощника командира 469 артполка Лысенко. Вскоре пришел навестить нас еще один сослуживец – замартснабжения капитан Иван Оборотов. Решили отметить это событие. Вечером собрались в тени фруктовых деревьев – подполковник Александр Сергеевич Лысенко, его жена Лидия Дмитриевна, майор Стогний Константин Игнатьевич, его жена Клавдия и мы – Мартыненко Павел Иванович, супруга Прасковья Алексеевна, да еще капитан Оборотов. А утром я пошел становиться на «довольствие». В продскладе мне выдали такой паек, о котором я и не мечтал и я недобрим словом помянул моего нового начштаба, с которым мы сразу же не поладили и который пугал меня плохой солдатской пищей.

Надо сказать, что жизнь пошла беззаботная. Молодых офицеров еще как-то привлекали к службе, отправляли на прочесывание местности для поимки дезертиров, а нас, семейных, отпускали к женам. Мы частенько брали снасти и шли на рыбалку, благо рядом находилось большое озеро. Вместе с нами шли супруги Стогний и Иван Оборотов. Мы оказались никудышными рыбаками, а вот Ивану везло. Мы рыбачили на удочки, а он смастерил закид с пятью крючками. Скатает хлебных шариков, нацепит на крючки и забрасывает с тяжелым грузилом. Через минуту – другую, смотришь, а он уже вытягивает карпа килограмма на два.

Так прошло дней десять. Однажды меня вызвали в штаб и говорят, что есть должность в одной из частей. Я отвечаю, что жду приказа на увольнение. Мне отвечают, что дела мо-

ого нет. Дело принимало нехороший оборот. Тут пришёл на помощь тоже капитан – помощник начальника штаба: я тебе, говорит, дам командировку. Сегодня есть поезд прямо в город, где наш штаб Армии стоит. Утром следующего дня я уже заявляюсь к начальнику артснабжения. Тот вызывает своего зама-где его документы, спрашивает. Тот ступешевался. А потом признался, что ещё не отправил.

- Давай сюда справку, - гневно бросает начштаба, и тут же сам заполняет её.

- Спасибо, - я беру под козырёк и чуть ли не бегом на вокзал.

Прибыв домой, бегу сразу в свой штаб. Там передаю заветную справку капитану. Тот бегло прочитав её, говорит мне: «В самый раз ты поспел, завтра приезжает какой-то чин из Министерства обороны, будет разгонять полк. Я положу твою справку третьей. Так что жди вызова». Я так и поступил. Позавтракав, неспеша подхожу к отделу кадров, а там уже с десятка два офицеров, все ждут увольнения. Тут и Иван Оборотов, с расстёгнутым воротом и грязным воротничком, в замасленных рыбьей чешуёй галифе. Не успел я ему сказать, чтобы он хоть застегнулся, как услышал свою фамилию. Захожу в кабинет, докладываю по форме.

Сидящий полковник берёт мою справку и неспеша читает... Так, так... Он уже как две недели уволен, а на самом деле ещё в полку. Капитан недоумевающе смотрит на него. Тот протягивает бумагу... Да, две недели, - говорит тихо. Я стою ничего не понимая. Уже потом разобрался: оказывается там в штабе мне подписали её задним числом.

- Всё, можете идти, вы уволены, - сказал полковник, и я вышел из кабинета.

- Ну, чего? – подлетел ко мне Оборотов.

- Всё, уволен...

- Поздравляю, - схватил мою руку и затряс. И тут вызвали его.

Он как-то уж совсем нарочито собрал складки гимнастёрки на животе, не застегнул воротничок и шагнул в кабинет. Через минуту-другую вылетает рот до ушей. Всё, орёт, я

уволен... И давясь от смеха рассказал, что когда вошёл, то полковник, чуть со стула не свалился. «Это, что за капитан? – Забудыга какой-то, - говорит, - уволить его, пусть не позорит Красную Армию...»

Как было с майором Стогниевым я не знаю. А вот подполковник А.С.Лысенко не хотел увольняться: ему до 25 лет оставалось всего два года, и он хотел дослужить до пенсии. Уже много позже, когда мы встретились с ним на 40-летие Победы, освобождения Севастополя, он рассказал, что дослужил до пенсии. А мы через две недели по приказу командующего ЦГВ были уволены в запас.

Погрузились мы семейные в крытые грузовые вагоны, холостяки в другие и поехали... Домой... Через Чехию, Венгрию, Румынию... По каким-то кривым дорогам... На Родину! И вот уже Западная Украина. На одной из станций, где пути расходятся – одна ветка идёт на Львов, другая на Черновцы, мы простояли где-то с середины дня до ночи. В чём причина не могли выяснить. К нам то и дело подходили женщины и дети, спрашивали, куда мы едем? Мы отвечаем, что не знаем. Но вот наконец-то дождались отправления – поехали на Львов. Мы уже слышали, что здесь нередко и в 1945, и потом в 1946 году бандеровцы пускали поезда с демобилизованными под откос. Часто обстреливали из пулемётов. Конечно, всё это не могло не сказаться на настроении. Особенно волновались те женщины, у которых были дети, да и те, кто их ждал, тоже переживали. «Скребли кошки» на душе и у мужчин. Кто лежал на нарах, кто просто сидел, сон не шёл. Не хотелось, чтобы после всего, что пережили, вынесли, погибнуть вот так у самого дома... Но поезд всё сильнее набирал скорость, колёса чаще стучали на рельсах. И их мерный перестук начал действовать успокаивающе. Мы с майором ещё пытались о чём-то говорить, но глаза сами слипались. Незаметно я задремал. Проснулся от резкого толчка и скрипа тормозов. Поезд остановился. Все как по команде поднялись. Я находился у самого окна, выглядываю – вижу идёт железнодорожник с молотком и постукивает им по колёсам, проверяет тормоза. «Где мы?» –

спрашиваю. «Это, Черновцы», - слышу в ответ.

На следующий день мы уже были в Днепропетровске. В Харьков добрались уже только вдвоём. Правда, вскоре к нам подсел офицер-одиночка. В таком составе приехали в Керчь...

Шёл 1946 год. Он был тяжёлым для всей страны, а на Украине к тому же случился неурожай. Жили мы у родителей жены. Деньги – подъёмные в сумме 10 тысяч, полученные мною при увольнении, быстро уходили. Правда, согласно указа, нам на месте выдали 10 кг муки на меня и 8-на жену. А вот с работой было трудно. Секретарь Приморского райкома пообещал устроить, но прошло три месяца, а я всё ещё был без работы. И вот я тогда решил ехать в свои края. С полутора-месячным ребёнком, в декабре, мы пустились в путь. Этих денег нам хватило доехать до родных моих мест. Даже осталось 200 рублей, на которые я купил два центнера пшеницы. В тот год здесь был неплохой урожай, и жизнь была лучше. Главное продукты питания были намного дешевле. Работать пошёл в МТС. Всё шло к лучшему. Росло и моё семейство – в 1948 году у нас родилась ещё одна дочь, которую назвали Людой. И тут пошёл слух, что в Экибастуз набирают рабочих. Там начинается добыча угля. И вот в конце апреля 1949 года приехали мы сюда в посёлок – Экибастуз или, как его ещё называли, «соцгородок». Здесь тогда стояло несколько щитосборных домов, в которых проживало руководство управления «Иртышуглестрой» Была столовая и магазин. Стояло ещё несколько собранных щитосборных домиков, без крыш и нештукатуренных. Вскоре в одном из них поселились мы. В комнате стоял топчан и всё: ни стола, ни табуретки. Вот тут и началась моя экибастузская биография. Правда, пока жили в селе у родителей, мы успели обзавестись коровкой. Ясно, что привезли её сюда. Помню, что как только сгрузили её с машины, она порядком проголодавшись, тут же стала щипать зелёную травку, растущую прямо у порога нашего жилища. Её мы выменяли на двух телят. Так что молочко было очень кстати. Ведь на Пашиных руках было двое – одна держалась за юбку, дру-

гая в буквальном смысле была на руках. Так они встречали меня после работы. Бывало, идёшь домой усталый, а как увидишь их дорогих сердцу моему людей, так сразу и силы откуда берутся!

А начиналось всё так. В Павлодаре 14 апреля 1949 года я познакомился с начальником управления «Иртышуглестроя» Иваном Игнатьевичем Каращуком и главным инженером Алексеем Архиповичем Хищуком. Они потом меня свели с начальником отдела кадров Верой Фёдоровной Ермолаевой. Долго беседовали со мной прежде, чем подписать моё заявление, интересовались моей гражданской и военной специальностью. Узнав всё, они остались довольны: люди моей специальности им были нужны. Через два дня я уже был в Экибастузе. В километрах двух было каркасно-насыпное здание. В нём находился энергомеханический цех, куда я и был направлен мастером. Здесь уже работали механик Николай Тихонович Костюков, электрслесарь Пётр Маркович Моцный и машинист ломобилия Александр Гузеев, с кем мне пришлось потом долгие годы работать, деля все тяготы и лишения. Теперь их уже нет в живых.

В то время наш небольшой коллектив обеспечивал электроэнергией начинающуюся большую стройку и попутно занимался ремонтом техники, которая состояла из ручных бетономешалок, разнотипных небольших насосов и подъёмных маломощных кранов «Пионер». Последние были до того примитивные, что даже поворот стрелы надо было делать вручную. Электротягой поднималась только бадья с бетоном и шлаком. Строительство велось, в основном, при помощи носилок и тачек, которые мы изготавливали сами. Прибывающий народ размещался в палатках, сделанных на скорую руку шалашей из щитов. Собирались и щитосборные дома, которые устанавливались не на фундамент, а на столбах. Нередко, ещё крыши нет, а туда уже вселялась семья... Да не одна, а в каждую будущую комнату по одной. Получалось, что в двухквартирный такой дом, вселялось до шести семей. И все были довольны. Не припомню, чтобы были ссоры, обиды. Наоборот все стремились помочь друг

другу. Потом стали строить бараки, и к осени почти все приехавшие были размещены в квартирах.

1949 год был начальным периодом подготовки к строительству разреза №1. В начале лета подошла к посёлку железная дорога. С первым поездом прибыла передвижная электростанция «Лоус» и передвижные ремонтные мастерские, где начальником был Пётр Григорьевич Гусаров. Вскоре к нему мастером мехцеха был переведён и я. А весной 1950 года меня назначили начальником мастерских, которые ещё строились. Стояли только стены, а мы уже монтировали оборудование, устанавливая поступающие станки, на которых тут же изготавливали поступающие заказы, для ремонта оборудования и монтажа поступающих экскаваторов.

Жаркое было время. И вот в эти дни судьба свела меня с очень интересным человеком – начальником строящейся дренажной шахты Борисом Павловичем Голубевым. Он здесь находился с 1947 года. Работал в геологической партии, потом многие годы был начальником строй управления в Шахтострое. Зима в тот год выдалась лютая. Сильные метели и бураны длились подряд по несколько дней. И вот однажды, когда снежной круговерти не было конца, у нас подошёл к концу запас угля. Возили его с Кузбасса, но из-за заносов вагоны с углём где-то застряли. Всё это грозило остановкой нашей электростанции. А это означало, что остановится вся жизнь, стройка. Тогда начальник управления Иван Игнатьевич Каращук и парторг Григорий Васильевич Устименко обратились к коммунистам, всем, кто работал здесь, с призывом начать добычу угля у себя на шахте. В ту памятную ночь мне пришлось впервые увидеть забойщика Ади Шарипова, который работал здесь с 1939 года. Он воевал и после окончания войны, вернулся в свой родной посёлок Экибастуз. Этот человек всю свою жизнь шёл в первых рядах. Возглавлял бригады проходчиков, монтеров пути. Многие годы мы с ним были депутатами поселкового, городского Советов, членами горкома и обкома партии. Ади Шарипову довелось быть депутатом Верховного Совета СССР V

созыва, а мне депутатом Верховного Совета Каз. ССР VI созыва. Не раз мы вели вместе приём своих избирателей, обращались в Москву и Алма-Ату, в правительство с ходатайствами о строительстве в городе телеретранслятора и расширении больницы и строительства физиолечебницы. Всё это было потом построено. Хотелось бы вспомнить имя незаслуженно забытого первостроителя, скромного и безотказного Валерия Павловича Шилова. В начале 1948 года он, инвалид войны 2-ой группы, приехал в Экибастуз к родителям. Стал работать в геологоразведке. С 1957 года перешёл инструктором в горком партии. Я в это время уже трудился машинистом и бригадиром экскаватора на разрезе «Северный» и был парторгом участка. Бывало, приезжаешь в «нарядную» разреза, а там уже Валерий Павлович. Он пешком шёл на разрез через восточный борт, чтобы перед нарядом прочитать лекцию горнякам. Они нередко становились задушевными беседами, когда рабочие открывали ему свои души. Не случайно уже после смерти Валерия Павловича в 1965 году, рабочие ещё долго поминали его добрым словом.

А каким был Иван Иванович Трекулич?! – Он был начальником орса, а попутно и экспедитором, и грузчиком. Вспоминается такой случай. Захожу в столовую, а там сидит Иван Иванович: лицо уставшее, плащ в грязи, сапоги тоже.

- Что случилось? – спрашиваю.

- Да, вот из Павлодара приехали, а дороги все размыло. Вот и толкали их. А сюда приехали никого не застали из грузчиков. Пришлось самим разгружать три машины...

Вот такой это был человек. А взять, к примеру, начальника ЖЭКа – Евдокию Матвеевну Лапшину. Во всех домах печное отопление, но никто из жильцов и понятия не имел, как обеспечить себя углём и дровами. Всё это делала эта женщина. К каждому дому во время подвозился уголь, дрова. Её трудно было застать в своём кабинете. Да и не нужно это было: её всегда можно было найти то возле домов жильцов, то на складе. А когда был построен хлебозавод, Евдокию Матвеевну назначили директором. И тут она отдавала

себя всю, чтобы хлеб был всегда на столе горняков. Как не вспомнить добрым словом главного бухгалтера треста «Иртышуглестрой» Альбина Львовича Дубасевича! Бывало вернётся из Павлодара, где он получал деньги, идёт, опустив голову. Рабочие уже знали, денег не дали. А утром он идёт в столовую, магазин и забирает выручку, Чтобы дать аванс по 5-10 рублей каждому. А через пару дней снова летит на кукурузнике в Павлодар. Вернётся довольный, таща тяжёлый мешок с деньгами. На лице широкая улыбка. Рабочие встречали его аплодисментами. Умел он считать каждую копейку и других к этому призывал. Мне не единожды приходилось подписывать документы на получение оборудования для мехмастерской. Так он по несколько раз сверялся со сметой, приговаривая, что деньги счёт любят. И только убедившись, что всё верно, подписывал.

В ряду первостроителей достойное место занимал и Михаил Максимович Самус – первый наш прораб на строительстве жилья и соцкультбыта. Как-то приходит он ко мне в мастерскую. В руках чертежи. Объясняет, что это растворопульта. Вскоре мы их изготовили, и пошло после этого внедрение малой механизации на стройке при выполнении штукатурных работ. Он всегда о чём-то думал, что-то придумывал. Впоследствии его назначили главным инженером, а затем начальником строительного управления. В этой должности он и проработал до самого ухода на пенсию.

Были в то время трудные ситуации, когда не хватало денег, не на что было питаться. Но люди поддерживали друг друга. Я сам часто приносил на работу одну-две бутылки молока, булку хлеба. Подкармливал молодых парней, у кого здесь никого не было. Помню приехал с нашего села Вася Литвинов. Я его устроил учеником токаря. Жил он в общепитии. Часто я его буквально подкармливал, благо своя коровёнка, огород... И вот как-то раз случилось, что произошла задержка и аванса, и зарплаты. Мы, семейные, ещё держались, а вот такие одиночки нередко голодали. Не мог дотянуть до получки и мой подшефный. Как-то раз он подошёл ко мне:

- Павел Иванович, выручай, дай займы рублей двадцать пять.

У меня на тот момент таких денег с собой не было. Прихожу домой, рассказываю жене. Так мол, и так, Василий Литвинов голодает, просит занять двадцать пять рублей. Знаю, что и дома ничего нет.

- Вот тебе двадцать пять рублей, - вдруг говорит моя жена, я молоко продавала, вот и наторговала, отдай парнишке. На следующий день встречаю Василия и вручаю ему эти деньги.

- Спасибо, дядя Павел, - обрадовался он, - я верну. Обязательно верну...

- Конечно вернёшь, какие разговоры, - отвечаю, - получишь зарплату и отдашь.

После этого проходит день, другой, что-то не видно парнишки. Только много позже узнал, что он вернулся домой... А произошло это так. Как-то собрался я на 9 мая проведать своих родных в селе, а заодно и цветы у обелиска положить, где вписана и фамилия и моего отца, погибшего на войне. После митинга, подходит ко мне мужчина. Я не сразу признал в нём того парнишку – Васю Литвинова. С тех пор много воды утекло.

- Здравствуйте, Павел Иванович, - смущённо улыбаясь, произносит он, - это я, ваш должник. Только вот по какому курсу тот долг считать?

Посмеялись мы с ним да и разошлись. А мне было радостно, что помог парню в эту минуту. Теперь Василий Семёнович был одним из уважаемых на селе.

...Долгих два года трудился я в мастерских: в дневную смену работала бригада заключённых, в ночную вольнонаёмные. Их возглавлял мастер Александр Иванович Малахов. Почему-то испытывал должное уважение я к бригадире из заключённых по фамилии Иванов. Они вели ремонт тракторов и делали его отменно. Разные были за проволокой люди: одни, возможно, и впрямь страдали зря, а другие и здесь были готовы совершить зло... Другими словами, люди разные были и среди вольных. В этой связи расскажу об

одном случае...

Вышел на нашем двигателе электростанции масляный насос.

- Снимай с «Революции», - приказывает мне главный механик треста Моргулёв. Это у нас стоял новый дизель для другой электростанции.

- Будет письменный приказ- сниму, - отвечаю я. Ведь в те времена за разукomплектовку можно было и срок схлопотать.

Разговор наш происходил в присутствии бригадира Иванова, который стоял за спиной Моргулёва, потягивал самодельную курительную трубку и подмигивал мне: мол, правильно говоришь.

- Будет тебе письменный приказ, - бросил гневно Моргулёв и удалился.

- Правильно сделал, что не согласился, - одобрил мои действия Иванов и поведал мне свою историю.

Работал он тогда на Таганрогском комбайновом заводе главным инженером. Когда фашисты стали подходить к городу, его мобилизовали в Армию и поручили эвакуацию оборудования.

- Со всем этим я справился вовремя, - рассказывал Иванов, оставались на территории два разбитых ЗИСа. Куда их? - на всякий случай составил два акта, как положено. Добрался до штаба по эвакуации, подаю их генералу:

- Да выкинь ты их. Лучше будет.

- И как в воду глядел тот генерал. А я, честный, отдал те акты начштабу. Воевал, дослужился до полковника. Потом, когда война уже шла к завершению, меня отозвали и направили на восстановление завода. Вот тут-то и всплыли те два акта. Вообще обвинили меня в том, что я сознательно оставил противнику технику. Дали «десятку». Так что ты правильно поступил, что не согласился разукomплектовать новый дизель...

Но были и другие, кто оставался врагом и в заключении. Произошёл однажды такой случай. Сразу после обеденного перерыва приходит ко мне взволнованный мастер ночной

смены А.И.Малахов. Он был человеком уже немолодым, седой. Здоровается, а руки дрожат.

— Что с вами? — спрашиваю.

- Да вот чуть не убили, - отвечает, - а всё из-за резцов. Их почему-то не оказалось в нужном месте. Сказал об этом их бригадиру из заключённых по фамилии Генералов: мол, инструментальщик не оставил резцы, ночная смена может простоять. Решил пойти в инструменталку — посмотреть, может, где лежат резцы, - продолжал Александр Иванович, - только переступил порог, как в сантиметре от головы про свистел увесистый паровозный ключ...

Дело в том, что в инструменталке работал в тот день бывший полицей. Такой случай безнаказанным оставлять было нельзя. Вызываю к себе Генералова и говорю ему, что и как... Тот выслушал молча, а потом говорит: «Гражданин начальник, завтра этого полицей в инструменталке уже не будет». И слово своё сдержал.

Летом 1952 года я ушёл с мастерских. Во-первых не устраивала зарплата — 860 рублей. Ведь у меня семья — 4 человека. Но в заявлении написал, что причина увольнения — несоответствие образования. Мол, нет даже средне-технического. Управляющий моё заявление даже читать не стал, а отправил к главному инженеру А.Н.Хищуку. Тот прочёл и говорит, что мне, мол, твоё образование ни к чему. Главное, практический опыт, умение работать. Так и осталось моё заявление без резолюции. А тогда уволить могли только по усмотрению руководства. Прикинул я так и сяк, думаю зарплату мне не повысят, пока работает там сверху Моргулёв, приказ которого о снятии насоса с нового дизеля я не выполнил, значит надо действовать по-другому. Написал заявление в парторганизацию. Только тогда получил увольнение. Ушёл на экскаватор на вскрышной участок первого разрезостроительного управления. Начальником здесь был Игнатов, а мастером участка Николай Романович Колотев. Направили меня помощником машиниста на экскаватор №338, где машинистом работал Николай Николаевич Колотев, его сын. Надо сказать, что с ним у нас сразу же сложи-

лись хорошие отношения, и он вскорости стал доверять мне самому управлять рычагами, управляя ковшом. Это очень пригодилось. Вскорости меня послали на стажировку к Михаилу Фёдоровичу Возному, и самостоятельная работа у Колотева очень даже пригодилась. Но Михаил Фёдорович не спешил меня допускать к рычагам. Чуть ли не в последний день говорю ему, что моя стажировка подходит к концу.

- Что же ты молчал, давай садись за рычаги.

Я сел, он стоит сзади, чтобы в случае чего успеть нажать на аварийную стопкнопку. Спокойно, без суеты, включаю и начинаю перекидывать грунт. Ковш плавно ходит взад-вперёд...Слышу характерный свисток паровоза – подошла вертушка. Михаил Фёдорович стоит молча. Я начинаю грузить задний думкар.

- Да тут мне делать нечего, - вдруг слышу его голос, и ушёл из кабины.

Вот так я стал машинистом. А ведь до меня к Михаилу Фёдоровичу тоже приходили стажёры, некоторых он даже по рукам бил за их неумелость. Что ж. Спасибо Николаю Колотеву, ведь это он помог мне быстро овладеть сложной наукой управления экскаватором! С мая того же года стал я работать машинистом на 412 экскаваторе. На нём почему-то не было постоянной бригады. Работал он на восточном борту. Летом того же 1953 года пришёл к нам новый, как нам сказали опытный бригадир. Работать он мог. Вскоре по его инициативе была увеличена глубина забоя до 16 метров. Это, мол, уменьшит частоту переукладки железнодорожных путей. Поначалу шло всё ничего. Но вот с приходом зимы, грунт промёрз метра на полтора, и перед экскаватором стал нависать этот высокий забой. Чуть что и ... У меня от страха даже ноги стали дрожать: ведь если этакая глыба рухнет вниз – от нашего экскаватора только мокрое место останется. Сказал об этом руководству, но надо мной только посмеялись. Мол, Мартыненко молодой, вот и дрефит...Тогда я говорю Николаю Колотеву, что больше на экскаватор не пойду.

- Да ты что? Зачем заранее беду кличешь, - начал тот

убеждать меня, - Иди, работай. Конечно, про осторожность не забывай.

Я согласился, нагрузил ещё три или четыре вертушки. Вечером пришёл бригадир, посмеялся над моими опасениями. Сдал я ему экскаватор молча и уехал домой. А на второй день заезжает за мной начальник и говорит: «Беда, Павел. Экскаватор разбит, бригадир с перебитыми ногами в больнице. Поехали, надо восстанавливать машину...

С того момента я стал бригадиром. Экскаватор восстановили и понизили уступ забоя. Со мной работали машинистами Сергей Чепигин, Глызин, Шкилев, Григорий Кучмарёв. Наш 412-й первым стал грузить попутный уголь в железнодорожные вагоны. Тогда были 18-тонные платформы. Не такие, как сейчас 60-тонные.

Помнится, как мы с помощником Фёдором Подвиженко ночью забивали колья в платформы, чтобы не открылись борта и грузили уголь до самого утра. Утром сменились, сдал экскаватор Николаю Колотеву, хотя он работал на другом. Но мы об этом как-то не думали, мало ли чего?! А когда пришли после 48-часового отдыха, узнали, что тут были корреспонденты и снимали историческую загрузку первого эшелона углём! Сделал это Николай Николаевич Колотев. Теперь об этом все знают... А меня Фёдор Подвиженко до самой своей смерти всё допытывался – так кто же первый эшелон угля загрузил? – Что ему на это я мог сказать? – Надо было поднять наряды за октябрь или начало декабря, когда мы загружали углём первые вагоны. Но кто это станет делать? Видимо, так было надо, чтобы в историю вошёл Николай Николаевич Колотев – из боевых молодых коммунистов.

Меня вскоре перевели на другой экскаватор на вскрышу. Номер я его полностью не запомнил, знаю, что последними были цифры – 21. В 1957 году, когда образовался Северный вскрышной разрез, я оказался здесь. Экскаватор сдал Сергею Лоскутову. Меня назначили на вновь смонтированный экскаватор за номером 234. У нас подобралась крепкая, сплочённая, многонациональная бригада: машинисты –

Алексей Волков, Конрад Рерих, Фёдор Тыртышников: помощники машинистов – Василий Синяковский, Оспанов, Сыздыков и Еникеев. Потом вместо Сыздыкова пришёл Кайрат Кульмагамбетов. Вскоре наша бригада удостоилась звания – «Бригада коммунистического труда». На этом экскаваторе мы проработали 8 лет, без капитального ремонта.

В моей жизни в 1963 году произошло огромной важности событие – я был избран депутатом Верховного Совета республики. За высокие трудовые показатели члены бригады были награждены орденами и медалями, почётными грамотами. Фотография нашей бригады была помещена на Доску Почёта и в Музей Революции в Москву. Там находится и моя награда – шахтёрская Слава. Осенью 1965 года мне пришлось на время оставить экскаватор – меня избрали председателем шахтного комитета разреза «Северный». Тогда там начальником был Григорий Андреевич Кравец, главным инженером Василий Степанович Клячев, зам по быту – Василий Фёдорович Соловьёв, зам по производству Иван Дмитриевич Сысоев. Парторгом работал Иосиф Романович Вовнянко. Новая работа шла нормально, но потом всё чаще стали возникать конфликты с главным инженером В.С.Клячевым. Он являлся членом шахтного комитета и не всегда действовал правильно, защищая не рабочих, а тех начальников участков, которые свою вину хотели свалить на простых трудяг. Без согласования с шахтком они проводили удержание с якобы виновных в аварии рабочих. Ясно, что шахтком не мог с этим согласиться. Мы заставляли вернуть удержанную сумму, выяснив, что виноват в том или ином «чп» сам руководитель. С этим не соглашался Клячев. Он названивал председателям теркома, сначала Паранько В.П., потом Савченко И., затем В.С.Крыжановскому. Недвусмысленно давал понять, что Мартыненко надо убрать, он, мол, не соответствует занимаемой должности, да и безграмотный... А у меня одни Почётные грамоты за хорошую работу. Именно в мою бытность председателем шахткама оживилась спортивная работа, с успехом выступал наш большой хор. Мы наладили постоянную шефскую работу

над детскими садами, особенно над детсадом №11. Особым участием были окружены наши участники Великой Отечественной войны. Мне было особенно приятно после того, как я однажды встретился с рабочим разреза «Северный» – Сукненовым, который тоже прошёл дорогами войны, и вот он говорит: «Павел Иванович, мы вас всегда вспоминали, ведь вы в свою бытность председателя шахткома всегда помнили о нас, заботились». Его слова были бальзамом... А тогда произошло следующее. Подошло время отчётно-выборного собрания. Я твёрдо решил уйти. К тому подталкивали довольно частые напоминания, что я уже стар... Молодым, мол, пора на смену. Велись такие разговоры и в кабинете В.С.Крыжановского, председателя теркома. А мне было 52 года. И вот день проведения конференции. За час до начала пришёл Василий Семёнович, чтобы подготовить примерный список нового состава шахткома. Я пригласил парторга Вовнянко. Когда начали подбирать кандидатуры, Крыжановский записывает меня первым.

- Не надо, - говорю я, - здоровье стало шалить. У меня, правда, было несколько сердечных приступов, да и на пенсию уже через три года.

Крыжановский и Вовнянко переглянулись друг с другом, а потом Василий Семёнович говорит: «Ты уже всё освоил, а молодого надо будет учить. Так что тяни до пенсии». Убедили меня, и я согласился.

И вот собрание началось. Сделал доклад и вижу по реакции сидящих, что всё сделал правильно. Пошли выступления, дают хорошую оценку моей работе. Многие говорили, что надо оставить Мартыненко работать и дальше. И вот тайное голосование. Против моей кандидатуры двое, одним был я, а вот вторым... Закрыли конференцию, остались новые члены шахтного комитета. Слово берёт В.С.Крыжановский и предлагает избрать председателем Мощного Петра Марковича, работавшего начальником участка на отвале. Кто-то из членов спросил – а почему не Мартыненко? Василий Семёнович в ответ – пусть молодые учатся, а Павлу Ивановичу скоро на пенсию. Покрывил душой Василий Семёно-

вич, не открыл истинную причину. Ну да Бог с ним!

Утром я зашёл к парторгу. Спрашиваю – зачем так сделали? Ведь я же сам хотел уйти... Значит, вы без меня мою судьбу решили. Он признался, что так и было. Не то ты, мол, мог поплатиться.

- А вот год назад, - говорю ему. – в горькоме шел разговор о твоей судьбе. Тебя хотели освободить. И я тогда выступил против, защитил тебя. Ведь у тебя ни горняцкой профессии, да еще с одной почкой – куда бы ты пошел?

- Чего же ты мне об этом не сказал? – спросил он.

- Я же человека защищал, о себе не думал...

С тем мы и расстались. Вновь пошел я на первый вскрышной участок на экскаватор, а через некоторое время «скорая» увезла меня с сердечным приступом.

- Прединфарктное состояние, - констатировали врачи.

Выписался я с больницы нескоро. Врачи категорически запретили работу на экскаваторе. Стал я слесарить, а когда надо было и только днем - сидел за рычаги экскаватора. Так и доработал до пенсии. На заслуженный отдых я ушел в феврале 1973 года, после повторившегося приступа. Мне, помню, прямо домой рабочие с участка №1, профгруппорг, машинист экскаватора Григорий Дракин привез холодильник и пожелал долгих лет жить на пенсии. Я, слава Богу, жив. Здравствуют некоторые из тех, кто тогда так обошелся со мной. Правда, нет уже в живых Петра Моцного. Но есть другие, кто знал меня, знал, как я работал и мне не стыдно перед ними. Меня не в чем упрекнуть – я жил и поступал всегда так, как подсказывала мне моя совесть. И никогда не предавал друзей. Обидно, конечно. И не только за то, что так обошлись со мной. Обидно и за то, что на пенсию ушел прямо из больницы. Хотя, конечно, тут моей вины нет... Но хотелось как все. Чтобы было собрание... как провожал я, когда работал председателем шахткома, под торжественные речи, с музыкой. А я вот так ушел... Рад был подарку, хотя еще пришлось доплатить 100 рублей – руководство разреза выделило 160 рублей, а холодильник стоил 260.

Теперь модно все прошлое охаивать, дескать коммунист-

Моя Паша с дочками Светой и Людой

тическая идеология была такая, что иначе нельзя было. Нет, я с этим утверждением никогда не соглашусь. Черствость, бездушие, корысть и эгоизм отдельных руководителей по отношению к другим, нижестоящим и подчиненным – вот что разъедает, как ржавчина общество. И это происходит при любой идеологии или без идеологии, как сейчас...

Припоминается, что после первого приступа, когда я уже трудился слесарем, пришел ко мне Вовняко. Не знаю – то ли совесть его мучила, то ли еще что. И говорит мне – есть разговор, чтобы присвоить тебе звание Почетного гражданина города. Как ты на это смотришь?

- А разве мое согласие на это нужно? – отвечаю. – Да и зачем – у меня планы уехать отсюда.

На том наш разговор и окончился. Ну да ладно об этом. Другое важно – все это время рядом со мной была моя Паша, Паша Алексеевна – так ее ласково называли коллеги по работе. Она всегда была со мной: и когда я был на работе, и когда лежал в больнице, и когда поздно возвращался с

профсоюзного собрания. А ведь на ее руках были три маленьких дочки – Света, Люда и уроженка Экибастуза – Валя. А ведь тогда ни детсадов, ни яслей не было. Моя Паша без выходных, день и ночь в хлопотах и заботах. Потом пошла работать, чтобы пенсию получать. Бывало, сама не достает - детям, дочуркам нашим отложит. Они у нас как птенчики росли. Соседи бывало идут мимо дома и спрашивают – ну как там ваши птенчики? – А они – чистенькие, в белых платьицах, с большими голубыми бантами в волосах... теперь наши птенчики уже сами бабушки, а мы, значит, с Пашей – прабабушка и прадедушка. Время бежит неумолимо. Часто перебираю свои награды, Почетные и Похвальные грамоты. Вот за активную работу по культурному обслуживанию трудящихся... За активное участие в коммунистическом воспитании молодежи. Это от горкома комсомола. А вот благодарность от областной комиссии содействия Советскому фонду мира. В ней говорится: «Уважаемый Мартыненко П.И.! Узнали о вашем добровольном взносе в фонд мира.

Три дочери - Люда, Валя, Света

Наши внуки

Приносим Вам сердечную благодарность за ваш патриотический отклик...» И подписи – Герасименко, Егоров.

Наконец, на 58 году жизни, выработав необходимый трудовой стаж, моя Прасковья Алексеевна уходит на пенсию. Коллектив женщин – работники Дома культуры горняков, где Паша работала кассиром, провожая ее на пенсию в приветственном адресе написали следующее:

«Ты не ждала от жизни привилегий, считала счастьем быть такой, как все. Весной холила робкие побеги, качала в ладонях веточку в росе. В жару со всеми ты томилась жаждой, сухарь последний ты другу берегла. И вот в пути запела ты однажды – ту песню, что не петь ты не могла. Ты рыла доты, строила заводы. И в зелень одевала пустыри. Да ты не знала праздности и неги, и то, что ты живешь без привилегий, считаешь привилегией своей».

И еще. «Дорогая Паша! Заявляем без прикрас – этот праздник хоть и самый, но не солнечный для нас. Провожая

1999 г. Старшие дочери и правнуки

Вас на отдых, знаем, - будет скукота. Ни любви нам и ни ласки – не услышим никогда! Приходите, посещайте, будем рады видеть Вас! Посидим за чашкой чая и пойдет у нас беседа, как выращивать цветы, как связать с узором шапку, как испечь нам пироги. На прощание пожелаем быть веселой Вам всегда, быть красивой, терпеливой здоровья вам всегда. А еще мы пожелаем вспоминайте вечерами сослуживцев иногда».

Есть еще стихотворные напоминания и добрые пожелания. Напоминали, как Паша Алексеевна выходила на работу с двумя, а то и с тремя внуками. Как вязала им носочки и шапочки, а находясь на пенсии теперь уже вяжет их для правнуков. По-прежнему неугомонна наша бабуля Паша. В работе и заботе пролетели 45 лет в ставшем родном Экибастузе, - это говорит сама наша бабуля Паша.

мужество, самоотверженность, ярость в борьбе с врагом будут жить в веках, их увенчает бессмертная Слава!»

В сражавшемся Севастополе и при его освобождении нашли свое проявление нерушимая дружба и братство народов нашей великой страны Советов. Плечом к плечу защищали и освобождали свою социалистическую Родину русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, узбеки, казахи, армяне и киргизы, литовцы и латыши, грузины и все народы Севера — все, кто представлял тогда нерушимый Советский Союз! И во главе стояла Коммунистическая партия! Я не боюсь этих высокопарных слов — так оно было в действительности. Это сейчас в ходу все хаять и обливать грязью, забыв, что все это дело наших дедов и отцов, многие из которых отдали за это свои жизни.

Я отвлекся малость. Итак, въезжаем в город — широкие, просторные улицы, утопающие в садах. Не узнать! Ведь я видел его в развалинах. Запомнился один уцелевший домик на возвышенности. А сейчас перед мною лежал город — красавец и вроде бы тут никогда не было войны... Автобус наш остановился у гостиницы. Тут нам жить. Немножко запоздали, поэтому пришлось сразу идти к месту встречи и вдруг — кого я вижу: на меня прямо-таки налетел мой бывший шофер Кузьма Степанович Иванов. Стоим, обнимаемся, обмениваемся словами: как ты; где и так далее. Вижу идет с распростертыми руками наш боевой начштаба — Владимир Иванович Заколичный. Потом подошел командир дивизиона, тогда майор, а теперь полковник, Андрей Ковалев. Он уже был в отставке. С ними их жены — Валентина Андреевна и Вера Ивановна: они были нашими телефонистками. Обнимаемся, целуемся, шутим. Поседевшие, но словно все те же — молодые, как тогда, в военные годы. А ведь некоторым из нас было за 80... Как бывшему политруку Н.И. Вартаньеву 82 года! Возле нас останавливаются прохожие севастопольцы, тоже вытирают украдкой на глазах слезы. А мы их и не стеснялись: то были слезы радости от встречи, от того, что остались живы...

В 7 часов вечера встреча в Доме офицеров. На следующий

Лето 1991 г. У родного дома...

день посетили Диараму освобождения Севастополя на Сапун-горе. Со смотровых площадок нам видны те места, где были наши огневые точки, откуда наши орудия вели сокрушающий огонь по врагу. По их дзотам и дотам, по пехоте. Каждый из нас стоял и словно бы видел за голубизной этого мирного неба то далекое, что пришлось пережить. Видели закопченные уста-

лые лица своих боевых друзей – товарищей. Некоторые сейчас стояли рядом. А сколько их осталось лежать здесь навеки?! Люди разных национальностей, разных возрастов, но объединенных одной большой Родиной – Советским Союзом!

Из тяжелых воспоминаний вывел тихий голос: «Товарищи! Почтим память погибших наших боевых товарищей минутой молчания!» Это был голос председателя Совета ветеранов 265 (18) гвардейского арtpолка, бывшего команди-

ра дивизиона Петра Тимофеевича Минакова, который когда-то до последнего снаряда, а потом и патрона защищал Севастополь, а потом испытал все ужасы фашистского плена.

Тут же находились и те, кто уже в 1944 году в составе 469 артполка, гнал фашистов из Крыма и освобождал Севастополь. Фашистам, чтобы покорить этот город потребовалось 250 дней и ночей, а советским войскам хватило месяца, чтобы очистить от фашистской нечести весь Крым. На освобождение же Севастополя понадобилось всего 3 дня... Была разгромлена 195 тысячная армия отборных немецких войск.

Восьмого мая на специальных автобусах нас повезли по местам боевых сражений. Ходили по оврагам и высоткам, по траншеям, заглядывали в разрушенные доты и дзоты. В памяти вставали эпизоды тех страшных дней... Нас сопровождала бывший секретарь горкома партии Севастополя, член Совета обороны Н.Н. Сарина, которая жила в родном городе – Герое и возглавляла историческую комиссию по обороне Севастополя.

Мы ходим по земле, которая сейчас покрыта зеленой травой, заросла кустарником, но стоит нагнуться в взять ее горстью, как сразу находишь в ней металл. Она вся была насыщена различными осколками, болванками, гильзами, пробитыми касками... Эта земля была густо полита кровью и прошедшие 35 лет, частые дожди не сумели смыть все это... Не сотрется все это и из нашей памяти. Хочется надеяться, что память об этом подвиге будет жить вечно.

Вечером у нас была встреча с молодежью города – Героя. От нее остались самые теплые чувства: молодежь встречала нас как героев, радушно.

И вот финал нашей памятной встречи – 9 мая. Мы на площади Нахимова. Сбор у Дома офицеров. Колонны движутся к площади. Там выстроены парадные войска. Мы, ветераны войны, у самой трибуны. И вот торжественный митинг начат. Выступают руководители области и города, а также представители командования обороны и освобождения Севастополя – Н.И. Азаров и П.А. Моргунов. После митинга, идем к мемориалу Славы и возлагаем цветы. Под знаменами

проходим по бывшей Приморской улице. Всюду – люди, нас буквально забрасывают цветами. В колонну то и дело вбегают дети с букетами цветов. Руки наши держат эти нежные букеты. А стоящие люди выкрикивают слова: «Спасибо вам, дорогие наши защитники и освободители». Дети скандируют свои слова: «Спасибо за наше счастливое детство!» Мы буквально потрясены таким приемом, тронуты до самой глубины души. К горлу подкатил комок, не могу выговорить ни слова. Слезы радости застилают глаза. «Спасибо вам, дорогие севастопольцы», - говорим в ответ. В два часа встреча закончилась. Но нас ждал еще торжественный ужин, где за традиционной рюмкой мы наговорились. Вспомнили бой за города – Одессу, Керчь, Новороссийск и Севастополь. Там, где пришлось нам воевать.

Были потом встречи в Одессе, в Керчи, в Новороссийске. Находились все новые ветераны наших полков и одновременно мы поднимали стопки в память уже умерших бывших солдат этой страшной войны. Моя последняя встреча с друзьями – однополчанами состоялась 7 – 9 мая 1984 года. Она была устроена для ветеранов 155 Новороссийско – Севастопольской бригады в Доме отдыха «Изумруд», который располагался на берегу Черного моря. Она была посвящена 40-летию Победы. Там, на встрече, наш комбриг генерал С.Е. Кузьмин сказал, что вот бы хорошо этим составом встретить 50-летие Победы. И потом долго крепко жал каждому руку, словно это была последняя наша встреча. Так оно и случилось: через два года нашего генерала не стало. А через 8 лет не стало и Советского Союза, не стало великой непобедимой Армии... И все же фронтовики не забывали друг друга. Я получил поздравление, в котором были такие слова: 5 августа 1991 года исполняется 50 лет со дня начала обороны нашего города от фашистских захватчиков. Отмечая эту историческую дату в жизни города – Героя, исполком Одесского городского Совета народных депутатов от имени трудящихся города шлют вам, ветерану Великой Отечественной войны, участнику героической обороны Одессы горячие приветствия и сердечное поздравление. Ва-

ше мужество, героизм и беззаветная храбрость, проявленная в боях за освобождение будут всегда жить в памяти советского народа, жителей города.

Выражая вам нашу искреннюю благодарность и признательность за ваш подвиг во имя Советской Родины, в этот исторический день в жизни нашего города, желаем вам доброго здоровья, долгих лет жизни, большого счастья и активной работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи». Это поздравление я получил в 1991 году. А в 1993 году пришло поздравление из Симферополя:

- Дорогой боевой друг! Павел Иванович! Совет ветеранов Отдельной Приморской Армии в день Вашего 75-летия юбилея шлет вам сердечные поздравления и самые добрые пожелания крепкого здоровья, большого счастья, радостей, благополучия и успехов в труде и военно-патриотической работе на благо нашей Великой Родины!

Из этих слов можно было сделать вывод, что ветераны верили в то, что Великая Родина будет! Я в это верю! Пройдет чума, занесенная капиталистическим западом и подхваченная нашими чумоносителями. Но вот сколько она еще принесет страданий нашему народу!. Но она уйдет и уже навсегда. В этом у меня нет сомнений. Потому что такого дикого пещерного капитализма еще, наверное, не было нигде в мире. Где это видано, чтобы за год становились миллионерами, а за три - миллиардерами?! А народ держат в нищете, не выдавая зарплаты месяцами, пенсии и пособия малоимущим. А наличные деньги загибают новоявленные миллионеры, продолжая наращивать свои капиталы. Они не платят налоги, у них нет кассовых аппаратов... Водку и другие дорогостоящие товары продаются без чека, выручка идет прямым ходом в их карман. А там, где есть кассовые аппараты, кассир выбивает чеки только на мелкие товары малой стоимости. А вот с зарплаты трудящихся налог взимается до 40 процентов. Значит, государство сознательно делает так, создавая благополучие новым капиталистам.

Многое пришлось видеть и пережить на своем веку, но такого издевательства еще не было над собственным народом.

Конечно, нашему, моему поколению уже немного осталось. Но руки еще держат орудия труда, ноги ходят... Радуется, что мы вырастили хороших детей. А вот как будут жить наши внуки и правнуки? Ведь мы их воспитываем в своем духе – жить честно. Но в нашем обществе оголтелого капитализма живут лишь те, кто живет по законам джунглей – кто сильный – тот и прав.

Те, кто сейчас у власти, во всем обвиняют коммунистов, «застойное время»... Но ведь из них большинство-вчерашние коммунисты, только имя им-перевертыши. Предали дело партии, продадут и родину за доллары иностранцам. И это уже делается сплошь и рядом. А наше поколение защищало их счастливое детство. Разве не вы давали клятву беречь и продолжать дело своих отцов и братьев? Когда я писал эти строки, то загадывал – доживу ли я до 50-летия Великой Победы... А теперь вот уже и 55-годовщина подошла... Не празднуем уже 7 ноября, не постигнет ли судьба такая же и этот праздник «со слезами на глазах»? А ведь не будь той Великой Победы, за которую заплачено такой дорогой ценой, не было бы никаких суверенных государств. Была бы единая фашистская колония... Больше чем странно: эту истину понимаю я – простой труженик, а вот политики, большие ученые, люди, обличенные доверием народа, не понимают. Или не хотят понимать. Неужели не найдутся молодые здоровые силы и не восстановят порушенное...

Во всем капиталистическом мире демократия находится в определенных рамках закона. В СССР было то же самое. Сейчас говорят: свобода слова, печати. Но надо еще добавить: свобода лжи и клеветы, разбоя, воровства, разграбление государственного имущества... Свобода убивать ни в чем неповинных людей... Никто ни за что не отвечает. Полная анархия, и началась она с депутатов, годами толкущих воду в ступе. Одна говорильня... И никаких правовых решений. Все уповают на дикий рынок, когда он начнет действовать. Распределять кого в могилу, кого в капиталисты, кого на престол посадить... Но вот закономерность: все это будет длиться долго – предолго, а нищие плодятся не по дням, а

по часам. И их все больше и больше. До тех пор, пока болячка не созреет, а потом она прорвется... И тогда найдутся врачи с лекарствами и очистят эту рану от гнойного нарыва. Но это уже сделают, видимо, наши правнуки... А пока, дорогие соотечественники, терпите. Меньше мнений и сомнений. Только думай сам как выжить... Жаловаться некому – нет ни горкомов, ни райкомов, которые жили припеваючи за счет взносов коммунистов... Сейчас все руководители, от малого до самого высокого ранга, депутаты живут за счет того же народа и, чтобы было меньше хлопот и забот, а стало быть жалоб – госпредприятия передаются новым миллионерам. Пойди пожалуйся хозяину магазина, предприятия на дороговизну его продукции, он спокойно и вежливо ответит: «Дорого – не покупай. Найди дешевле». И улыбнется, зная, что тебе деваться некуда. Так что лучше успокойся...» Вот и мне, видимо, надо успокоиться, чтобы не тратить и без того испорченные старые нервы.

*Павел Иванович Мартыненко,
Ветеран Великой Отечественной войны,
Заслуженный шахтер Республики Казахстан,
кавалер «Шахтерской славы»
г. Экибастуз, 9 Северный проезд, д.29*

СПРАВКА

Тов. МАРТЫНЕНКО Павлу Ивановичу.

за храбрость и отвагу, проявленные в боях с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. приказами Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза тов. Сталина И. В. ВАМ объявлены

Б Л А Г О Д А Р Н О С Т И

1. За освобождение города НОВОРОССИЙСК	16.09.43г.
2. За освобождение города АНАПА	22.09.43г.
3. За освобождение ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА	09.10.43г.
4. За форсирование КЕРЧЕНСКОГО ПРОЛИВА	04.11.43г.
5. За освобождение города КЕРЧЬ	12.04.44г.
6. За освобождение города ФЕОДОСИЯ	14.04.44г.
7. За освобождение города СЕВАСТОПОЛЬ	10.05.44г.
8. За окружение Бродской группировки немцев	18.07.44г.
9. За уничтожение Бродской группировки немцев	22.07.44г.
10. За освобождение города САНДОМИР	18.08.44г.
11. За освобождение города ДЕМБИЦА	23.08.44г.
12. За отличные боевые действия по прорыву обороны немцев в районе западнее города САНДОМИРА	13.01.45г.
13. За отличные боевые действия по освобождению городов: ЧЕНСТОХОВА, ПШЕДГУД, РАДОМСКА	17.01.45г.
14. За вторжение в немецкую СЕЛЕЗИЮ	21.01.45г.
15. За выход на реку ОДЕР и овладение городами: МАЛИЧ, БЕРНИГАДТ, ВАСЛАЦ, КАРЛЬСМАРКТ, ТОСТ, ВИШОВСТАЛЬ	23.01.45г.
16. За отличные боевые действия по овладению городов: ОППЕЛЬН, РАВИЧ, ТРОЖЕНБЕРГ	24.01.45г.
17. За отличные боевые действия по форсированию реки ОДЕР, за овладение плацдармом юго-восточнее Бреслау и овладению городами ОЛАУ и БРИГТ	06.02.45г.
18. За отличные боевые действия при прорыве обороны немцев и разгроме войск противника юго-западнее ОППЕЛЬН	22.03.45г.

19. За отличные боевые действия по овладению городами:
ШТРЕЛЛЕН и РЫБНИК.....27.03.45г.
20. За прорыв обороны противника на реке НЕЙССЕ, овладении
городом ЭССЕН и выходом на реку ЭЛЬБА.....23.04.45г.
21. За отличные боевые действия и операции по
овладению городом ДРЕЗДЕН .....08.05.45г.
22. За освобождение города ПРАГА.....09.05.45г.

155 армейская пушечная новороссийско-севастопольская бригада, сформированная в Крыму в мае-июне 1944 г. из 1169 Новороссийского и 647 Севастопольского артиллерийских полков Р.Г.К., была награждена за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками:

- ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1944г. за форсирование реки Висла, за овладение г. САНДОМИР и проявленные при этом доблесть и мужество.
- ОРДЕНОМ СУВОРОВА II СТЕПЕНИ
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1945г. при вторжении в немецкую Силезию.
- ОРДЕНОМ ЛЕНИНА
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1945г. при овладении г.Дрезден.

Начальник штаба 155 армейской пушечной артиллерийской Новороссийско-Севастопольской бригады срденов Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени бригады

Подполковник

В. Заколичный

/В.Заколичный/

